

Объ источникахъ Льва Дьякона и Скилицы.

1. Скилица.

Начиная съ изложенія самостоятельнаго правленія императора Константина VII Багрянороднаго¹⁾, Скилица перестаетъ пользоваться анонимнымъ продолжателемъ Теофана. Исторія дальнѣйшихъ событій изложена имъ внѣ всякой зависимости отъ послѣдняго²⁾. Какими же источниками пользовался Скилица для описанія правленія Константина VII, Романа II и послѣдующихъ двухъ императоровъ?

Гиршъ³⁾ съ увѣренностью полагаетъ, что въ данномъ случаѣ Скилица воспользовался трудомъ одного неизвѣстнаго историка, который являлся современникомъ описываемыхъ имъ событій. Того же мнѣнія иридерживается и Г. Вартенбергъ въ своемъ изслѣдованіи объ отношеніи хронистовъ Скилицы и Зонары ко Льву Дьякону⁴⁾. Особенно напираетъ Вартенбергъ на ту мысль, что этотъ неизвѣстный историкъ-современникъ былъ единственнымъ источникомъ Скилицы при описаніи даннаго періода. Этотъ историкъ противопоставляется Вартенбергомъ Льву Дьякону, какъ совершенно независимый и даже противоположный источникъ. Мимоходомъ роняетъ изслѣдователь⁵⁾ мысль объ официальнойности источника Скилицы. Однако дальнѣйшаго развитія эта мысль у Вартенберга не по-

1) Cedren. II p. 325 sq. ed. Bonnae.

2) Hirsch, Byzantinische Studien, p. 374.

3) Ib. p. 278, 294, 298.

4) G. Wartenberg, Leon Diaconos und die Chronisten. Byzantinische Zeitschrift VI, p. 285.

5) G. Wartenberg, Das Geschichtswerk des Leon Diaconos, ib. p. 111.

лучила. и самый вопросъ объ источникѣ Скилицы имъ остается. Изложеніе Скилицы интересуеъ его только въ сравненіи съ изложеніями Зонары и Льва Дьякона. Правда, Вартенбергъ отмѣчаетъ, что источникъ Скилицы рѣзко настроенъ противъ императора Никифора II, особенно съ точки зрѣнія церковной и моральной¹⁾. Однако имъ совершенно упускается изъ виду то обстоятельство, что на ряду съ враждебно-настроенными къ Никифору извѣстіями у того же Скилицы имѣются свѣдѣнія совершенно противоположнаго характера, — явно благожелательно относящіяся къ этому императору. При этомъ оба рода свѣдѣній приводятся въ видѣ противоположныхъ версій. Естественнo отсюда предположить, что для исторіи даннаго періода Скилица воспользовался двумя источниками.

Чтобы не оставить въ этомъ никакихъ сомнѣній, приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ хроники Скилицы, ясно указывающія, что послѣдній пользовался не однимъ источникомъ. Описывая восшествіе на престолъ Никифора II Фоки, Скилица явно слѣдуетъ благожелательному Никифору источнику. Вся вина возлагается исключительно на паракимомена Вринга, интриговавшего противъ Никифора. Никифоръ же не только не имѣлъ желанія производить государственнаго переворота, но даже согласился принять императорскую корону только подъ давленіемъ Цимисхія и Куркуа, которые грозили убить его въ случаѣ отказа. Разсказавъ объ этомъ, Скилица тутъ же приводитъ совершенно противоположную версію, которая кажется ему болѣе правдоподобной: *καὶ εἰς μὲν λόγος φέρεται οὕτως, ἕτερος δὲ, ὁ καὶ δοκῶν ἀληθέστερος . . .*²⁾. Въ ней Скилица говоритъ, что Никифоръ уже давно помышлялъ о захватѣ власти, къ чему особенно побуждала его любовь къ императрицѣ Теофано. Съ нею Никифоръ вступилъ въ письменные переговоры. Паракимомень Врингъ будто бы перехватилъ письма и справедливо началъ подозрѣвать Никифора. Какъ можно вывести изъ словъ *εἰς λόγος . . . , ἕτερος δὲ . . .*, Скилица приводитъ версіи двухъ различныхъ тенденціи источниковъ. Насколько въ первой версіи виденъ сторонникъ Никифора, настолько во второй версіи — его врагъ.

1) G. Wartenberg, о. с. p. 317.

2) Cedren. II p. 348 sq.

Одному и тому же источнику объ эти версіи принадлежать не могутъ. Скилица слѣдуетъ въ данномъ описаніи переворота 963 г., главнымъ образомъ, источнику, благопріятно относящемуся къ Никифору, и только коротко говоритъ о противоположной версіи. Этимъ благопріятнымъ Никифору и враждебнымъ Врингу источникомъ Скилица продолжаетъ пользоваться и далѣе ¹⁾. Наконецъ, говоря о благочестіи Никифора, онъ замѣчаетъ: *τοῦτο δὲ εἴτε ἐγκρατεύμενος ἐποίησε εἴτε καὶ λαθεῖν τοὺς κρατοῦντας ὑποκρινόμενος, μόνος αὖν εἶδεῖν μετὰ θεὸν ἐκεῖνος*. Вѣроятно, Скилица сомнѣвался въ искренности Никифора на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя приводилъ имѣющійся у него подъ руками враждебно настроенный къ Никифору источникъ ²⁾. Эта фраза явилась какъ бы переходомъ къ другому источнику. Послѣ нея Скилица помѣщаетъ уже неблагопріятныя для Никифора свѣдѣнія ³⁾.

Ясно замѣтно пользованіе противоположными источниками и въ разсказѣ объ убійствѣ Никифора ⁴⁾. Кончаетъ этотъ разсказъ Скилица такими словами: *εἰ δὲ ἀληθῶς ἢ ψευδῶς, οὐκ ἔχω λέγειν. θνήσκει δ' ὁμῶς ὁ Νικηφόρος ἐνδὸν τοῦ παλατίου κατεργασθεὶς*. Очевидно, что Скилица зналъ противоположныя версіи объ убійствѣ Никифора, и въ этой фразѣ высказываетъ недоумѣніе, которой изъ нихъ отдать предпочтеніе. Приводитъ же Скилица только одну версію — очень благопріятно относящуюся къ убитому императору, и рассказываетъ въ духѣ *μαρτύριον* святого. Впрочемъ, чтобы не оставить никакихъ сомнѣній въ томъ, что онъ пользовался не только однимъ источникомъ, но и другими, Скилица приводитъ нѣсколько версій относительно подачи Никифору предостерегающаго письма. Словами *λέγεται, φασί, ἄλλοι* — *δὲ* Скилица различаетъ противорѣчивые источники.

За пользованіе различными источниками говорить и нѣкоторое противорѣчіе, въ которое впадаетъ Скилица по отношенію къ самому себѣ. Разсказавъ на стр. 347 о смерти болгарскаго царя Петра, Скилица на стр. 372 пишетъ о томъ, что Никифоръ

1) Ib. p. 348—351₂₀.

2) Что дѣйствительно существовало мнѣніе о лицемѣріи Никифора, можно вывести изъ словъ Лютпранда (*Liutprandi legatio ad Nicephorum Phocam*. Ed. ad Leon. Diac. Bonnae p. 360). *Graecorum rex... falso humilis...*

3) *Cedren.* p. 352 sq.

4) *Cedren.* p. 375—378.

посылаетъ этому же царю письмо... Въ противорѣчіе впадаетъ Скилица и при опредѣленіи лѣтъ Константина VIII¹⁾.

Но врядь ли можно было бы ближе опредѣлить характеръ обоихъ источниковъ Скилицы, исходя исключительно изъ разбора его собственнаго произведенія. Признавъ за несомнѣнный фактъ, что Скилица пользовался для исторіи правленія Никифора II разными источниками, все же невозможно было бы разграничить хоть въ самыхъ общихъ чертахъ одинъ отъ другого. Однако путемъ сравненія текстовъ Скилицы съ исторіей Льва Дьякона мы думаемъ сначала опредѣлить въ общихъ чертахъ рамки одного изъ источниковъ Скилицы, а затѣмъ перейти къ характеристикѣ источника противоположной тенденціи.

Существуетъ ли какая нибудь связь между хронистами Скилицей, Кедриномъ, Зонарой и Гликой съ одной стороны и Львомъ Дьякономъ съ другой? Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Кедринъ, Зонара и Глика зависятъ отъ Скилицы²⁾ и поэтому приходится имѣть въ виду только Льва Дьякона и Скилицу. Но относительно взаимоотношенія послѣднихъ двухъ въ исторической критикѣ не существуетъ единогласія. Такой авторитетъ, какъ издатель исторіи Льва Дьякона, Б. Газе, не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Скилица непосредственно пользовался въ самомъ широкомъ размѣрѣ трудомъ Льва Дьякона³⁾. Это мнѣніе держалось до послѣдняго времени⁴⁾, пока противъ него не выступилъ Вартенбергъ⁵⁾. Въ своей статьѣ онъ пытается опровергнуть мнѣніе Газе и отрицаетъ всякую зависимость Скилицы отъ Льва Дьякона, какъ въ выраженіяхъ, такъ и по содержанію⁶⁾. По его мнѣнію, сходство текстовъ Скилицы и Льва Дьякона можно объяснить вполнѣ случайнымъ совпаденіемъ выраженій, особенно специально-военныхъ. Возра-

1) Cedren. p. 379. Cp. C. de Boor, Zu Johannes Skylitzes (Byzant. Zeitschr., XIII, 360).

2) Wartenberg, o. c., p. 287—302.

3) Hase, ad Leon. Diac. p. IX, X, 206, 223, 225, 226, 227, 229, 232, 236, 240, 244, 245, 246.

4) Hirsch, o. c., p. 373, 374.

5) Wartenberg, o. c., p. 303 sq.

6) Ib. p. 316. ... Ist nun aber der Beweis erbracht, dass eine Abhängigkeit der Chronisten von Leon weder in der sprachlichen Form, noch im Inhalt besteht...

жая взгляду Газе, Вартенбергъ выражаетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы могъ существовать такой византійскій хронистъ, который бы, выписывая изъ своего источника нѣкоторыя мелочи, оставался тѣмъ не менѣе совершенно независимымъ отъ него по тенденціи¹⁾. Очевидно Вартенбергъ имѣетъ здѣсь въ виду различное отношеніе Льва Дьякона и Скилицы къ Никифору Фокѣ. Но нѣсколько выше нами было отмѣчено двоякое отношеніе Скилицы къ этому императору. Настроенный въ общемъ враждебно къ Никифору, Скилица, наоборотъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя имѣютъ сходство со Львомъ Дьякономъ, благоволяетъ къ императору и обнаруживаетъ склонность оправдывать его²⁾. Такимъ образомъ этотъ доводъ Вартенберга говоритъ скорѣе противъ него самого.

Подробно отмѣчаются имъ и такія мѣста изъ хроники Скилицы, въ которыхъ тотъ противорѣчитъ Льву Дьякону³⁾. Однако эти противорѣчія ничего не опровергаютъ. И Газе не утверждалъ, что Скилица черпалъ свѣдѣнія только изъ труда Льва Дьякона. Противорѣчація послѣднему извѣстія Скилица могъ почерпнуть изъ источника противоположной тенденціи.

Неожиданными являются слова Вартенберга о томъ, что Скилица совершенно независимъ отъ Льва Дьякона по содержанію⁴⁾. Наоборотъ, въ свѣдѣніяхъ обоихъ историковъ наблюдается очень много общаго. Переворотъ 963 года, убійство Никифора, возстаніе Варды Фоки, эпизоды изъ войны со Святославомъ, смерть Цимисхіа — описаны Львомъ Дьякономъ и Скилицею одинаково; вопросъ заключается только въ томъ, насколько близки другъ другу оба историка въ выраженіяхъ. По Газе тексты ихъ сходны *raene ad verbum*. Вартенбергъ это отрицаетъ. Однако мы никакъ не можемъ согласиться съ методомъ его доказательства. Желая отвергнуть всякую мысль о зависимости Скилицы отъ Льва Дьякона въ данномъ извѣстіи, Вартенбергъ пишетъ въ такомъ духѣ: *Bei der Expedition des Konstantin Gongylas finden*

1) *ib.* p. 303.

2) Описаніе переворота 963 г. и убійства Никифора.

3) *Wartenberg*, p. 306 и др.

4) *ib.* p. 316. См. выше, стр. 109, прим. 6.

sich bei beiden gemeinsam nur die Worte *θαλαμηπόλος* und *σκη-
τραφής*¹⁾). На этомъ и кончаются разысканія Вартенберга, при
чемъ имъ совершенно отрицается, повидимому, возможность пе-
редачи версиі своими словами. На то обстоятельство, что
сходится каждая фраза, хотя и въ вольной пере-
дачѣ, имъ не обращается вниманія. Но если мы подобное
сходство каждой фразы наблюдаемъ на протяженіи нѣсколькихъ
страницъ, то между такими источниками необходимо признать
нѣкоторую связь, несмотря даже на незначительное количество
общихъ словъ.

При сличеніи Зонары со Скилицей самъ Вартенбергъ²⁾ при-
водитъ именно такой случай, когда, несмотря на общность въ
двухъ рассказахъ только трехъ словъ, съ необходимостью уста-
навливается зависимость одного источника отъ другого глав-
нымъ образомъ на основаніи тождества содержанія.

Къ тому же и сходства въ выраженіяхъ вовсе не такъ мало,
чтобы отрицать всякую зависимость обихъ отъ одного источ-
ника. Чтобы не быть голословными, приведемъ примѣръ изъ
описанія убійства Никифора Фоки.

Cedren. p. 375₂₁—376.

Leo Diac. p. 53 C.

οἷτινες ἀνελθόντες καὶ ξι-
φήρεις εἰς τὸν τοῦ βασι-
λέως εἰσελθόντες κοιτῶνα,
ἐπεὶ μὴ εὖρον αὐτὸν ἐν τῇ συνήθει
κλίνῃ, φωραθῆναι ὑπονοήσαντες
μικροῦ δεῖν αὐτοὺς κατεκρήμ-
νισαν, εἰ μὴ πού ἀνδράρι-
όν τι τῶν ἐκ τῆς γυναικω-
νίτιδος εὐρηκότες ὑπ' αὐτοῦ
ὀδηγοῦνται.

Ἀνελθόντες οὖν παρὰ πᾶ-
σαν ἀνδρωπίνην ὑπόνοιαν, καὶ τὰ
ξίφη γυμνώσαντες, εἰς τὸν
βασιλικὸν εἰσελάουνοσι
θάλαμον, καὶ τὴν κλίνην
κατειληφότες, καὶ ταύτην εὐρόντες
κενὴν καὶ μήτινα ἐν αὐτῇ διανα-
παύμενον, ἐπεπῆγесαν ἀπὸ τοῦ
δέους, καὶ κατακρημνίζειν
αὐτοὺς ἐπειρῶντο πρὸς θάλασσαν.
ἀλλ' ἀνδράριόν τι τῶν ἐκ
τῆς γυναικωνίτιδος ἰταμῶν,
αὐτῶν ἡγησάμενον, ὑποδεικνύει τὸν
βασιλέα . . .

1) Ib. p. 303.

2) Ibid. p. 296.

р. 51 А.

καὶ καταλαμβάνουσιν αὐτὸν ἐπ' . . . ἀλλ' ἐπ' ἐδάφους ὑπο-
 ἐδάφους κείμενον καὶ στρωμ- στρωννύων δέρμα παρδάλεως,
 νήν ἔχοντα πῖλον κοκκο- καὶ κοκκοβαφῇ πῖλον, ἐπὶ
 βαφῇ καὶ ἄρκτον δέρμα, ὅπερ τούτων ἐκάθενδε, μανδύῃ τῷ τοῦ
 λαβῶν ἦν παρὰ Μιχαήλ μονα- μοναχοῦ Μιχαήλ καὶ θείου αὐ-
 χοῦ τοῦ Μαλεῖνου τοῦ θείου τοῦ, ᾧ Μαλεῖνος ἐπώνυμον...
 αὐτοῦ.

Подобное сходство замѣчается до конца разсказа Скилицы о самомъ убійствѣ. Далѣе Скилица передаетъ различныя версіи о предостерегающемъ письмѣ и поэтому отступаетъ отъ источника ¹⁾).

Однимъ изъ мотивовъ для отрицанія всякой зависимости между Львомъ и Скилицею Вартенбергъ считаетъ то обстоятельство, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчается сходство содержанія и выраженій, изложеніе Скилицы отличается большей полнотой. Такъ какъ это обстоятельство встрѣчается почти вездѣ, гдѣ замѣчается хоть малѣйшее сходство въ версіяхъ Льва Дьякона и Скилицы ²⁾, то оно заставляетъ насъ отбросить мысль о томъ, что Скилица непосредственно пользовался Львомъ Дьякономъ ³⁾. Но такъ какъ сходство изложеній

1) Вартенбергъ (о. с. р. 310), не отрицая большого сходства, переноситъ центр тяжести въ данномъ мѣстѣ на содержаніе. Онъ спрашиваетъ, почему у Скилицы другой порядокъ изложенія, чѣмъ у Льва. Отвѣтъ мы найдемъ въ трудѣ самого же Вартенберга, изъ аналогичнаго взаимоотношенія Скилицы и Зонары (на стр. 300): *er hatsich den ganzen Abschnitt durchgelesen und reproduziert ihn aus dem Gedächtniss...* Скилица, и особенно Левъ Дьяконъ, могли поступить точно такъ же и здѣсь.

2) Wartenberg, о. с., р. 306, 310, 312 etc.

3) Во введеніи Скилица упоминаетъ о писателѣ 'Ο 'Ασι(α)νός Δέων (у Кедрина Δέων ὁ Καρίας). Чтобы видѣть въ этомъ писателѣ Льва Дьякона В. Ф. Ишеры (Mittheilungen d. Inst. für österreich. Geschichtsf. VII, 376) пришлось произвести легкую натяжку. Тѣмъ не менѣе въ этомъ Левъ признано было возможнымъ видѣть Льва Дьякона. Ср. Krumbacher, *Gesch. d. Byz. Litter.* и В. Васильевскаго: Хроника Логовета (Визант. Врем. II, 135). Вартенбергъ сомнѣвается, можно ли въ упомянутомъ Скилицею Левѣ видѣть Льва Дьякона, исходя изъ того, что Скилица имъ не пользовался. Льва Дьякона знаетъ только рукопись С Боннскаго изданія, приводя изъ него дословныя выписки, которыя первоначально Скилицѣ не принадлежали. Что эти мѣста, дѣйствительно, являются вставками, мы думаемъ, ясно дѣлается, если обратить вниманіе на общій характеръ вставокъ этой рукописи.

тѣмъ не менѣе остается на лицо, то необходимо обратиться къ другому разрѣшенію вопроса, именно, къ признанію существованія общаго Льву и Скилицѣ источника. Левъ Дьяконъ, написавшій исторію 20 лѣтъ послѣ смерти Іоанна Цимисхія, конечно, могъ воспользоваться уже готовыми трудами. Признавая, что Левъ Дьяконъ и Скилица пользовались общимъ источникомъ, мы тѣмъ самымъ устранимъ тѣ затрудненія, которыя доставили Вартенбергу поводъ отрицать всякую связь между обоими писателями. Противорѣчивыхъ данныхъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя подлежатъ сличенію по своему сходству, у Скилицы по сравненію съ Львомъ Дьякономъ почти нѣтъ. Всѣ лишнія данныя у Скилицы въ такихъ мѣстахъ скорѣе дополняютъ свѣдѣнія Льва Дьякона, чѣмъ только подтверждаютъ наше предположеніе. Да и Вартенбергъ не исключаетъ, въ сущности, этой возможности, допуская въ источникѣ Скилицы и у Льва Дьякона существованіе слѣдовъ общезвѣстныхъ народныхъ пѣсенъ¹⁾, чѣмъ *mutatis mutandis* и является признаніемъ пользованія общими источниками со стороны названныхъ историковъ. Врядъ ли, однако, можно останавливаться на вліяніи народныхъ пѣсенъ. Чтобы объяснить ими сходство Скилицы и Льва Дьякона, нужно предположить существованіе пѣсенъ о переворотѣ 963 года, убійствѣ Никифора, о войнахъ съ русскими, о возстаніи Варды Фоки, между тѣмъ какъ гораздо проще признать существованіе цѣлаго историческаго труда.

Чтобы убѣдиться въ томъ, что Скилица и Левъ Дьяконъ пользовались общимъ источникомъ, приведемъ параллели, отмѣчая въ скобкахъ [] свѣдѣнія, которыя мы находимъ только у Скилицы, а разрядкой сходныя слова и выраженія.

Cedren.

Leo Diac.

p. 390 ed. Bonn.

p. 74—75. ed. Paris.

..... *ννκτὸς ἐπιγενομένης* *ννκτὸς ἐπελθούσης,*
αὐτομολοῦσι πρὸς τὸν Σκλη- *τῆς τοῦ Φωκᾶ διαστάντες ἐταιρίας,*

— Ср. подобную вставку у Cedren. ed. Bonn. p. 338. Здѣсь переписчикъ вступаетъ въ полемику со Скилицей относительно одного года. О подобныхъ вставкахъ ср. de Boor: Weiteres zur Chronik des Skylitzes (Byzant. Zeitschrift XIV, p. 437).

1) Wartenberg, o. c., p. 316.

ρόν, [πρῶτος μὲν ὁ Διογένης] Ἀδράλεστος, εἶτα καὶ ὁ Ἀμπελᾶς καὶ [οἱ τοῦ Θεοδούλου παῖδες], οἱ καὶ τὸ πᾶν τῆς ἀποστασίας προκαταρτύναντες, καὶ ἐφεξῆς τὸ λοιπὸν ἅπαν πλῆθος, ὥς μόνον ἀθρόον μετὰ τῶν ἐαυτοῦ θεραπόντων περιλειφθῆναι τὸν Φωκᾶν.

Πάσης δὲ βοηθείας ἔρημος οὗτος ἀπολειφθεὶς, καὶ ἀνία βαπτισθεὶς καὶ λύπη κατὰ τῶν παρακινησάντων, εἶτα προδεδωκότων, κατηνέχθη πρὸς ὕπνον ἥδη νυκτὸς ἐπιστάσης. ἔδοξεν οὖν [ὕπνω τω] ἀγανακτεῖν καὶ ἀλύειν καὶ περὶ τῶν ἀδικησάντων διαλέγεσθαι τῷ θεῷ, „δίκασον κύριε“ λέγων „τοὺς ἀδικοῦντάς με“. ἐν ᾧ δὲ ἔμελλε τὰ ἐπόμενα εἰπεῖν τοῦ ψαλμοῦ, ἤκουσε φωνῆς λεγούσης μὴ περαιτέρω προβῆναι· ἔφθασε γὰρ ὁ Σκληρὸς προειληφέναι τὸ ἐπίλοιπον τῆς ᾠδῆς. διαναστάς οὖν σύντρομος, ὥς ἔγνω πάσης ἐλπίδος ὠλισθηκώς, ὥς εἶχεν ἐξιππασάμενος μετὰ τῶν περὶ αὐτὸν πρὸς τὸ φρούριον ἔφευγε τὸν Τυροποιόν¹⁾.

πρὸς τὸν στρατηλάτην ἀπηυτομόλησαν. ὧν οἱ προὔχοντες Ἀνδράλεστος ἦν ὁ Πατρίκιος, αὐτανεψὶς τοῦ Φωκᾶ, καὶ ὁ Ἀμπελᾶς Συμεών

Λέγεται βαθείας ἄρτι νυκτὸς ἐνισταμένης, περιπαθῆ γενόμενον τὸν Φωκᾶν τῷ δρασμῷ τῶν συνωμοτῶν, ἀγρυπνεῖν καὶ ἀλύειν, εὐχαῖς τε τὸ θεῖον ἐξιλεοῦσθαι, τὸ Δαβιδικὸν ἐκεῖνο κατεπᾶδοντα λόγιον δίκασον, κύριε, τοὺς ἀδικοῦντάς με. αἰφνίδιον δὲ φωνὴν ἐξ ἄερος ἐνηνεγμένην αὐτοῦ τὰ ὦτα περιβομβεῖν, μὴ περαιτέρω τοῦ ψαλμοῦ χωρεῖν διακελεύουσαν· ὥς τοῦ στρατηλάτου Βάρδα κατ' αὐτοῦ τὰ τοιαῦτα τοῦ ψαλμοῦ προεξαίτησαντος λόγια. ἐπιτρεῖς δὲ αὐτῷ τῆς τοιαύτης ἐνηχηθείσης φωνῆς, θαμβηθῆναι τε τῷ καινῷ τοῦ χρησμοῦ, καὶ τῆς εὐνῆς διαναστῆναι περιδεῶς, καὶ τὴν τῆς ἔω φαῦσιν ἐκδέχεσθαι

1) Мѣстечко, куда пытался бѣжать Варда Фока, называется у Льва Дьякона словами τῶν Τυράννων. У Кедрина читаемъ Τυροποιόν. Вартенбергъ считаетъ это противорѣчiемъ. Однако мы затрудняемся строить какія бы то ни было заключенiя, основываясь на неточности собственныхъ именъ. Τυροποιόν и Τυράννων не такъ уже рѣзко различаются, и исполнѣ возможна порча имени переписчиками. Относительно собственныхъ именъ приведемъ примѣръ изъ разсказа объ убiйствѣ Никифора Фоки. У Льва Дьякона встрѣчаются Λέων ὁ Βαλάντης и Ἀτζυποθεόδωρος. У Кедрина же Λέων ὁ (᾽Α) Βαλάντιος и Ἀτζηποθεόδωρος. Однако въ высшей степени ошибочно было бы на основанiи разницы транскрипцiи этихъ именъ выводить, что Скилица и Левъ пользовались различными источниками. Порча собственныхъ именъ очень возможна. И, дѣй-

Γνωσθέντος δὲ τοῦ δρασ-
μοῦ τῷ μαγίστρῳ Βάρδα τῷ Σκλή-
ρῳ, ἰππεῖς ἀπεστέλλοντο
εὐζῶνοι καταταχῆσαι καὶ καταλα-
βεῖν αὐτὸν πρὸ τοῦ εἰς τὸ φρου-
ριον εἰσελθεῖν.

.... Βάρδας δὲ ὁ στρατηλάτης, τὸν
δρασμὸν διαγνοὺς τοῦ Φω-
κᾶ, συνάμα λογάσιν ἐξιππασά-
μενος, ἔθει διώκων. ἀλλ' αὐ-
τοῦ μὲν διήμαρτεν, ἤδη τῷ φρου-
ρίῳ ἀνασωθέντος.....

Далѣ у Льва Дьякона помѣщено нѣкоторое отступленіе отъ разсказа. Онъ разсуждаетъ объ удивительныхъ названіяхъ нѣко-
торыхъ мѣстностей; это разсужденіе онъ приводитъ отъ себя:
ἔμοιγε οὖν ἔπεισι θαναμάζειν, ὅπως и т. д. За этимъ приводится
вставка о пораженіи Льва Фоки и его ослѣпленіи. Далѣ раз-
скавъ продолжается.

Cedren. p. 390₂₃—392.

Leo Diac. 76 D—77 A.

Οἵτινες συντόνῳ χρησάμενοι τῇ
διώξει καταλαμβάνουσιν αὐτὸν κα-
τὰ τὸ πεδίον καὶ μέλλοντα ὅσον
οὐδέπω ταῖς τοῦ φρουρίου προσεγ-
γίσειν ὑπωρεῖαις. εἰς δὲ τούτων
τόλμη προφέρων καὶ γενναιότητι,
[τοῦ νομα Κωνσταντῖνος,
Χάρων τὴν προσηγορίαν],
τοὺς ἄλλους κατόπιν λιπὼν μετὰ
συντονίας ἐπήρχετο τῷ Φωκᾶ, ὅπισ-
θεν οὐραγοῦντι τῶν ἐαυτοῦ,
καὶ ἣν τις ἐπὶ δέξασθαι προθυμῶς
παρεσκευασμένῳ. [τοῦτον πόρ-
ρωθεν ἰδὼν καὶ γνωρίσας
ὁ Χάρων ὑβρεσιν ἀσέμενοις
καὶ ἀπρεπέσιν ἐβαλλεν,
ἀγεννῆ καὶ ἀνανδρον ἀποκα-

.... Φωκᾶ δὲ ἐπειγομένῳ τηνικαῦτα
ἐπὶ τὸ φρούριον, καὶ οὐραγοῦντι
τῶν ἀμφ' αὐτόν, τῶν ἐπιτιθε-
μένων αὐτῷ τις ἐξιππασάμενος,
θρασὺς καὶ ἀγέρωχος, ἐπῆει ἐπα-
νατείνων τὸ ξίφος μετ' ἀπειλῶν,
καὶ πλήττειν ἐπιχειρῶν.

ствительно, въ этомъ мы можемъ убѣдиться. Акад. Θ. Успенскій, описы-
вая Охридскую рукопись Скилицы (Извѣстія Русскаго Археологи-
ческаго Института въ К-лѣ IV, 2 стр. 6) приводитъ нѣкоторыя испра-
вленія къ изданію Кедрина. Случайно они касаются именно разсказа объ
убійствѣ Никифора. Собственные имена здѣсь близки къ транскрипціи
Льва Дьякона — 'Αβαλάντης и 'Ατζυποθεόδωρος. Въ рукописяхъ же AMNV
транскрипція собственныхъ именъ совершенно сходна съ транскрипціей Льва:
Βαλάντης (de Boor. Zur Chronik des Skylitzes, Byzant. Zeitschrift
XIV, 758).

λῶν, καὶ προσμένειν κελεύων μικρὸν ὥστε τὰ γέρεα τῆς ἀποστασίας λαβεῖν].

Ὁ δὲ τῶν ὑβρεων ἐπακούων, καὶ ὅστις ὁ λέγων [μὴ ἀγνοήσας], ἐπισχὼν τὸν χαλινὸν καὶ πρὸς ἐκείνον ἐπιστραφεὶς „ἔδει σε, ὦ ἄνθρωπε“, ἔφη, „τὸ ἀστάθμητον λογισάμενον τῆς τῶν ἀνθρώπων τύχης μὴ προσονεδίξειν, μηδ' ἐπεμβαίνειν ἀνθρώπων ταῖς ἐξ αὐτῆς ἐπηρείαις ἡναγκασμένῳ, ἀλλ' οἰκτεῖρειν μᾶλλον καὶ ἔλεειν τὸν δυστυχοῦντά με, [πατέρα μὲν ἐσχηκότα κουροπαλάτην, πάππον δὲ Καίσαρα, θεῖον βασιλέα, δοῦκα δὲ καὶ αὐτὸν γεγονότα καὶ τοῖς ἀνωτέρω συναριθμηθέντα, νυνὶ δὲ ἐσχάτοις κακοῖς ὑποβεβλημένον καὶ ἀκληρήμασι.“] τοῦ δὲ [„καλὰ ταῦτα, ὦ κακὴ κεφαλὴ, λέγεσθαι πρὸς παῖδας τοὺς δυνάμενους ἀπατηθῆναι“ εἰπόντος, „ἐμὲ δὲ οὐ φενακίσεις τοῖς τοιοῦτοις σου λογυδρίοις,“] καὶ τὸν ἵππον μυωπίζοντος καὶ θρασύτερον προσιόντος, σπασάμενος ὁ Φωκᾶς τὴν ἐν τῇ ἐφ'esτρίδι παρηωρημένην κορύνην καὶ ὑπαντίσας παίει τοῦτον κατὰ τοῦ κράνου. καὶ αὐτὸν μὲν ἀποδείκνυσι νεκρὸν παραντίκα, ἐμποδίσαι μὴ δυνηθείσης τῆς κόρυθος τῇ βίᾳ τῆς πληγῆς, ἐκείνους δὲ ἀποστρέψας τὸν χαλι-

Ὁ δὲ ἀπαλλάττεσθαι τὴν ταχίστην παρῇνει, τὰς κατασχούσας αὐτὸν τύχας εὐλαβηθέντα. δεῖν δέ, θνητὸν ὄντα, τὸ ἄστατον πάντως ὑφορᾶσθαι τῶν πραγμάτων καὶ ἄπιστον, καὶ μὴ προστιθέναι κακοδαιμονοῦντος ἀνδρὸς τοῖς ἀλγήμασιν ἄλγημα. ἀρκεῖν γὰρ τὰ περιστοιχίσαντα τοῦτον δεινά, ἅτινα εἰς τοῦτο δυσπραγίας αὐτὸν περιήλασαν, ὥς φυγάδα νῦν καθορᾶσθαι τὸν τῆς Ῥωμαϊκῆς κατόρξαντα στρατιάς.

Ὁ δέ, ὕθλον τὴν ἄλλως τοὺς τοιοῦτοις λόγοις τιθέμενος, πλησιέστερον ἦει, πλήττειν πειρώμενος.

Ὁ δὲ Βάρδας, τὴν παρηωρημένην κορύνην μεταχειρισάμενος, αἰφνιδίον τε συστραφεὶς, κατὰ τῆς κόρυθος παίει τὸν ἄνθρωπον· ὁ δέ, αὐτῇ κυνῇ κατεαγείς τὸ κρᾶνιον, ἀνάνδος τῇ γῇ προσαρᾷσεται· καὶ οὕτως ἐς τὸ φρουρίον ὁ Φωκᾶς διασώζεται.

*νὸν εἶχετο τῆς ὁδοῦ. [οἱ δὲ διώ-
κοντες κατόπιν ἐρχόμενοι,
καὶ ἔνθα ὁ Χάριων τεθνη-
κὼς ἔκειτο γενόμενοι, καὶ
τῷ ἀνυποστάτῳ τοῦ πτώμα-
τος ἐκπληττόμενοι πάντες
ἴστων τὴν δίωξιν. .]*

Сличая въ данномъ мѣстѣ тексты обоихъ писателей, мы должны отмѣтить характерную особенность разсказа Льва Дьякона въ сравненіи съ разсказомъ Скилицы. Разсказъ Льва является какъ бы сокращеннымъ изложеніемъ версіи Скилицы. Скилица называетъ имя и прозвище воина, Левъ же обозначаетъ его просто словомъ *τις*. Опущены Львомъ также другія подробности (помѣщенные въ скобкахъ). Но такъ какъ очевидно, что Скилицею Левъ Дьяконъ не могъ пользоваться, то необходимо признать, что онъ воспользовался источникомъ Скилицы. Особенно необходимо обратиться къ сущности послѣдняго разсказа. Описаніе маленькихъ эпизодовъ изъ бѣгства Фоки — его видѣнія и его перебранки съ воиномъ — не могло случайно оказаться въ двухъ совершенно независимыхъ другъ отъ друга источникахъ. Тѣмъ болѣе, что разсказъ Льва Дьякона предложеніе въ предложеніе сходенъ съ версіей Скилицы, причемъ въ нихъ встрѣчаются даже общія выраженія. Между этими источниками мы необходимо должны признать внутреннюю связь. Особенно рельефно выдѣляются слѣды общаго источника, если обратить вниманіе на прямую рѣчь, которую самостоятельный писатель сочиняетъ обыкновенно самъ. Левъ Дьяконъ передаетъ рѣчь Варды своими словами, отвѣтъ же воина опускаетъ.

Предположить, что источникъ Скилицы и Левъ Дьяконъ случайно только въ данномъ мѣстѣ воспользовались разсказомъ одного и того же лица, невозможно, такъ какъ подобное сходство Скилицы и Льва Дьякона наблюдается въ нѣсколькихъ мѣстахъ, въ разсказахъ о различныхъ событіяхъ обоихъ царствованій. Остается въ общемъ источникъ Льва Дьякона и Скилицы видѣть недошедшій до насъ историческій трудъ.

Для большей убѣдительности приведемъ еще примѣры, ясно

показывающіе, что Левъ Дьяконъ пользовался со Скилицей общимъ источникомъ. Въ разсказѣ объ убійствѣ императора Никифора мы уже отмѣтили сходство обоихъ писателей. Приведемъ мѣсто, въ которомъ Скилица полнѣе Льва въ подробностяхъ.

Cedr. p. 376.

Leo Dias. p. 53 C.

ἐξυπνισθέντα δὲ [καὶ τῆς Διυπνισθέντα δὲ τοῦτον καὶ
δεξιᾶς χειρὸς] τὸν ἀγκῶνα τὴν κεφαλὴν ἐπ' ἀγκῶνος
τῇ γῇ προσερείσαντα καὶ ἐρείσαντα, ξίφει βιαίως παίει
τὴν κεφαλὴν ἀνακουφί- Λέων ὁ Βαλάντης ὀνομαζό-
σαντα, ἐπιφέρει γυμνῷ τῷ ξίφει
κατὰ τῆς κορυφῆς [ἀσκεποῦς
οὔσης (ἐπεπτῶκει γὰρ ἐγει-
ρομένου τὸ τῆς κεφαλῆς
αὐτοῦ κάλυμμα)] Λέων ὁ
Ἀβαλάντιος.....

Подробности въ родѣ упавшаго покрывала опущены Львомъ. Но за то далѣе Левъ Дьяконъ въ свою очередь болѣе подробенъ. Пользованіе общимъ источникомъ очевидно и здѣсь. Подобное же взаимоотношеніе Скилицы и Льва Дьякона въ широкомъ размѣрѣ наблюдается при описаніи войны со Святославомъ¹⁾, гдѣ оба писателя по очереди взаимно дополняютъ другъ друга.

Однако напрасно было бы требовать дословнаго сходства у Льва Дьякона и Скилицы. Вполнѣ возможно, что послѣдній болѣе точно передалъ текстъ своего источника, конечно, значительно сокративъ его. Скилица вообще старался возможно ближе слѣдовать своимъ источникамъ и въ полной мѣрѣ зависѣлъ отъ нихъ. Нельзя сказать того же про Льва Дьякона. Левъ былъ современникомъ описываемыхъ имъ событій, и поэтому зависимость его отъ источника не была столь необходимой. Левъ Дьяконъ могъ его широко дополнять данными, лично ему извѣстными. Многочисленные вставки отъ перваго лица говорятъ о самостоятельныхъ вкладахъ Льва Дьякона. Необходимо отмѣтить

1) Напр. ср. Cedren. p. 410₂₀—411₂₂ и Leo Dias. p. 95 B-D; у Скилицы подробности, опущенныя Львомъ 21 — ἐκ νότου. 5 — καὶ ἦν εἰσθαμεν ἐορτάζειν τὴν μνήμην τοῦ στρατηλάτου. 10 — καὶ οὗς. 11 καὶ ἥλιον ἀνίσχοντος τοῖς γείτοσιν ἐξηγησαμένη.

еще одну особенность Льва Дьякона — именно его стремление сдѣлать свою исторію какъ можно болѣе похожей на трудъ Агаѳіа. Отсюда вытекаетъ вычурность его стиля, особенныя высокопарныя его слова, какъ отмѣчаетъ это Газе¹⁾. Этимъ отчасти также можно объяснить, почему нѣтъ болѣе близкаго сходства его труда съ исторіей Скилицы. Левъ Дьяконъ пользовался общимъ съ нимъ источникомъ, но только очень свободно, болѣе слѣдуя содержанію фразы, чѣмъ выраженіямъ.

Такимъ образомъ мы находимъ одинъ источникъ Скилицы, конечно, отличный отъ другого, выдѣляющагося своимъ неблагоприятнымъ отношеніемъ къ Никифору. Путемъ сличенія параллельныхъ мѣстъ Льва Дьякона и Скилицы мы можемъ опредѣлить въ общихъ чертахъ рамки перваго источника Скилицы.

Опредѣлить, какой періодъ исторіи описывалъ источникъ, общій Льву Дьякону и Скилицѣ, кажется невозможнымъ. Единственная наша путеводная нить — сходство изложеній обоихъ писателей, здѣсь еще не можетъ служить намъ: Левъ Дьяконъ начинаетъ исторію со смерти Константина VII, а Скилица въ исторіи періода до единовластія Константина пользовался исключительно продолжателемъ Теофана. Но у Скилицы есть нѣсколько такихъ свѣдѣній, которыхъ нѣтъ у продолжателя Теофана, и которыя почерпнуты имъ изъ неизвѣстнаго источника. Этотъ источникъ, какъ уже отмѣчалось въ исторической критикѣ²⁾, рѣзко отличается отъ продолжателя Теофана своимъ тенденціозно-благожелательнымъ отношеніемъ ко Льву Фоку и враждою къ Роману I. Если же обратиться къ тѣмъ немногочисленнымъ историческимъ отступленіямъ, которыя иногда дѣлаетъ Левъ Дьяконъ, то мы среди нихъ найдемъ какъ разъ два изъ тѣхъ извѣстій, которыя Скилица заимствовалъ изъ этого неизвѣстнаго источника. Одно касается пораженія Льва Фоки, другое останавливаетъ вниманіе читателя на странномъ названіи мѣстности, гдѣ тотъ былъ ослѣпленъ³⁾. При описаніи битвы при Анхіалѣ Скилица приводитъ

1) Hase, ad Leon. Diac. p. VIII.

2) Hirsch, Byzantinische Studien p. 374.

3) Cedren. p. 295 слова *ὁ καὶ φανερώς ἐδήλου ὡς λέοντι* соотвѣтствуютъ разсужденію Льва Дьякона на стр. 75 — о словѣ *Γωλέοντα*. Однако ни въ переводѣ Габіа (*Historiarum Compendium*. ed. 1570), ни въ примѣчаніяхъ Боннскаго изданія этого мѣста нѣтъ, — и можетъ быть оно имѣется только у Кедрина.

2 версии. Одна изъ нихъ предложеніе въ предложеніе сходится съ версіей, приводимой Львомъ Дьякономъ.

Cedren. p. 287.

τρεψαμένον γὰρ τοῦ Φωκᾶ τὸν Συμεὼν καὶ διώκοντος, φήμη τις ἐξαίφνης ἔφθασε πρὸς αὐτὸν ἀπαγγέλλουσα ὡς ὁ δρουγγάριος τῶν πλωτῶν ἀπεισι μετὰ τοῦ στόλου παντός, παραληψόμενος τὴν βασιλείαν. ὁ δὲ τῇ ἀκοῇ καταβροντηθεὶς (ἐσφετερίζετο γὰρ εἰς ἑαυτὸν τὸ τῆς βασιλείας κράτος) καταλιπὼν τὸ διώκειν ὑπέστρεψεν εἰς τὴν παρεμβολὴν ὡς τάχα τὸ ὄν μαθησόμενος. διαδοθέντος δὲ λόγου πρὸς τὸν στρατὸν ὡς ὁ δομέστικος πέφυγεν, ἀλκῆς ἐπιλησθέντες οἱ λοιποὶ ἐποιοῦν ὁμοίως. οὗς ἰδὼν ὁ Συμεὼν φεύγοντας (ἵστατο γὰρ, ὡς εἴρηται, ἐν εὐκαίρῳ τόπῳ τὸ τέλος ἀφορῶν τοῦ ἀγῶνος) ἐξεχύθη πανστρατὶ καὶ παλίντροπον τὴν φυγὴν ἐποιήσατο.

Leo Diac. p. 76 A—B.

Ἦδη δὲ καὶ τῶν . . . Μυσῶν πρὸς φρυγαδεῖαν τρεπομένων, ἀγγελίαν πρὸς τινος λέγεται τῶν ὑπασπιστῶν ἀνανεχθῆναι τῷ Λέοντι, ὡς ὁ Δρουγγάριος Ῥωμανὸς αὐτοῖς ἰστίους ἀπάρας, κατὰ πρόμναν ἵσταμένου τοῦ πνεύματος, ἔρωτι τυραννίδος ἀποπλέει εἰς τὸ Βυζάντιον. τὸν δέ, τῷ ἀπαισίῳ τῆς ἀγγελίας περιαλγῆσαντα, διαλῦσαι τε τὸν σενασπισμόν, καὶ, νῶτα τοῖς Μυσοῖς δόντα, ἐπείγεσθαι πρὸς τὴν βασιλεύουσαν, εἴ πως τὸν τοῦ Ῥωμανοῦ προτερήσοι ἐπίπλουν, καὶ τῆς Ῥωμαϊκῆς ἡγεμονίας ἐγκρατὴς γένοιτο. τὸν δὲ Συμεὼν . . . ἔπεσθαι τε, καὶ ἄπειρα πλήθη συγκόψαι ἀνηλεῶς. Καὶ νῦν ἐστὶν ὁρᾶν εἰς ἐτι σωρείας ὁστῶν παρὰ τὴν Ἀρχιάλον . . .

Гиршъ (о. с. р. 372) считаетъ, что въ данномъ мѣстѣ Скилица непосредственно воспользовался историческимъ отступленіемъ Льва Дьякона. Однако у Скилицы есть подробности, опущенныя Львомъ Дьякономъ (отмѣчены разрядкой): къ тому же Левъ Дьяконъ, какъ показываетъ слово *λέγεται*, самъ почерпнулъ извѣстіе изъ какого-то источника. Наконецъ, нужно отмѣтить, что той же тенденціей у Скилицы проникнуты и другія мѣста, которыхъ у Льва Дьякона нѣтъ (р. 288 о побѣдѣ Льва и р. 295). Скорѣе мы можемъ предположить, что и здѣсь оба писателя пользовались общимъ источникомъ, который проникнутъ враждою къ Роману I. Если это такъ, то мы этимъ признаемъ, что источникъ общій Льву Дьякону и Скилицѣ имѣлъ своимъ предметомъ описаніе правленія Романа II.

Слѣды того же источника, враждебно настроеннаго къ Роману I, мы находимъ и въ *Antapodosis* Ліутпранда¹⁾. Исслѣдователь сочиненій Ліутпранда Мюллеръ отмѣчаетъ, что свѣдѣнія, которыя даются авторомъ *Antapodosis*'а о Романѣ I, отличаются партійнымъ освѣщеніемъ и настроены къ нему враждебно²⁾. Къ числу такихъ свѣдѣній относится и знакомое намъ объясненіе пораженія Льва Фоки при Анхіалѣ; это мѣсто совершенно совпадаетъ съ версіей Скилицы и Льва Дьякона: *Pugnanti praeterea cum Bulgaris Foca domestico, qui et ipse pater vassilleos ardentem fieri cupiebat, ipso in bello de hostibus jam triumphum tenenti, quid a Romano actum sit nunciatur. Qui mox animo consternatus nimioque dolore compulsus, victoriae signum quo hostes insequeretur projecit, terga vertit, fugam suos inire fecit. Reparant itaque Bulgarii Simeonis portatu animos, et quos prius adverso Marte fugerant, prospero postmodum insecuntur, tantaque tunc Achivorum strages efficitur, ut longo post tempore campus plenus ossibus videretur.*

Мюллеръ объясняетъ это поразительное сходство тѣмъ, что Ліутпрандъ и Левъ Дьяконъ воспользовались извѣстною въ то время народной пѣсней³⁾, при чемъ о сходствѣ со Скилицей имъ не говорится. Однако такое объясненіе кажется намъ нѣсколько произвольнымъ. Мюллеръ, очевидно, разсматривалъ это извѣстіе внѣ связи съ другими свѣдѣніями Ліутпранда о греческихъ дѣлахъ. Такъ какъ враждебная Роману I точка зрѣнія проявляется не только въ данномъ объясненіи пораженія Фоки, но и въ другихъ мѣстахъ сочиненія Ліутпранда, а также и у византійскихъ писателей, то намъ кажется болѣе основательнымъ допустить существованіе особаго историческаго труда, который былъ знакомъ какъ Скилицѣ и Льву Дьякону, такъ и Ліутпранду. Партія, враждебная Роману I, конечно, существовала при дворѣ Константина Багрянороднаго и особенно въ семействѣ Фокъ. Ліутпрандъ могъ воспользоваться этой исторіей и сдѣлать изъ нея себѣ замѣтки въ 950 году. Этотъ трудъ, въ какомъ видѣ былъ извѣстенъ Ліутпранду, былъ посвященъ описанію правленія Ро-

1) *Liutprandi Antapodosis*. M. G. H. SS. t. III.

2) *Daendliker u. Müller, Liutprand v. Kremona*, въ сборникѣ *Büddinger'a*. См. подробности p. 158 sq.

3) *Ib.* p. 44.

мана I. Потомъ этотъ трудъ тѣмъ же или другимъ авторомъ, вѣроятно, былъ продолженъ, такъ какъ общій источникъ Льва Дьякона и Скилицы оставляетъ слѣды и отъ времени Константина VII, и отъ послѣдующаго періода. Отъ правленія Константина VII имѣемъ у Льва Дьякона вставку о походѣ Гонгила на Критъ, рассказъ о которомъ представляетъ какъ бы сокращенное изложеніе версіи Скилицы¹⁾.

Правленіе Романа II описано Львомъ Дьякономъ и Скилицею по совершенно различнымъ источникамъ. Характерной чертой изложенія Льва Дьякона является то обстоятельство, что изъ всего царствованія Романа II его интересуется только то, что непосредственно касается братьевъ Фокъ и не касается дѣятельности самого Романа II, что объясняется вѣроятно также односторонностью источника Льва, тоже интересовавшагося фамиліей Фокадовъ. О существованіи подобнаго источника предполагалъ еще Ф. Гиршъ²⁾. У Скилицы же правленіе Романа II описано въ иномъ видѣ. Большая часть свѣдѣній посвящена дѣятельности самого императора.

Правленіе Никифора II описано Скилицею тоже не по источнику Льва Дьякона. Но за то тѣмъ рельефнѣе выступаютъ мѣста, взятые имъ изъ общаго источника, — описаніе переворота 963 года и убійства Никифора. Въ остальномъ же на основаніи Скилицы невозможно опредѣлить, что почерпнуто Львомъ Дьякономъ изъ общаго источника, и что приводится имъ вполне самостоятельно. Но мы попытаемся обратиться къ другимъ источникамъ. Обратимъ вниманіе на рассказъ о взятіи Антіохіи. Въ рѣзко-враждебномъ къ Никифору тонѣ описано паденіе Антіохіи у Скилицы³⁾. У Льва Дьякона, наоборотъ, видно желаніе оправдать императора. Для этого Левъ влагаетъ въ уста Никифора длинную рѣчь, цѣль которой — убѣдить читателя въ томъ, что императоръ снялъ осаду Антіохіи исключительно изъ нежеланія предавать разрушенію третій по красотѣ городъ въ мірѣ⁴⁾. Принадлежитъ ли такая версія лично Льву Дьякону, или же онъ ее заимствовалъ изъ благожелательнаго Никифору источника? Если

1) Ср. Cedren. p. 336 и Leo Diac. p. 3 B—C.

2) F. Hirsch, p. 50, 51.

3) Cedren. p. 365 sq.

4) Leo Diac. p. 45 A.

мы найдемъ версію Льва Дьякона и у другого какого-нибудь историка, ничего общаго со Львомъ Дьякономъ не имѣющаго, то мы можемъ съ значительной увѣренностью вывести, что данная версія — не оригинальное мнѣніе Льва, а принадлежитъ, вѣроятно, общему источнику. Обратившись къ лѣтописи Яхьи Антіохійскаго, мы находимъ у него о паденіи Антіохіи слѣдующее¹⁾: „И когда Антіохія была взята, Михаилъ аль Бурджи и Исхакъ, сынъ Бахрама, отправились въ присутствіе царя Никифора съ радостною вѣстію объ ея взятіи. И поблагодарилъ онъ обоихъ за это и осыпалъ своими благодѣяніями. Потомъ онъ сталъ недовольнымъ ими, потому что былъ опечаленъ сожженіемъ города и взятіемъ его такимъ образомъ. И возненавидѣли они его...“ И у Яхьи, слѣдовательно мы находимъ ту же версію, которая носитъ какъ бы оффиціальныя характеръ. Какъ и Левъ Дьяконъ, Яхья не пишетъ объ отрицательныхъ чертахъ правленія Никифора. Общій взглядъ на этого императора у обоихъ писателей одинаковъ. Левъ Дьяконъ пишетъ: „Императоръ Никифоръ . . . великодушный и благородный въ дѣлахъ гражданскихъ, справедливый. . . Я увѣренъ, что Римское государство достигло бы величайшей славы, какой никогда не имѣло, еслибы . . . судьба такъ скоро его не погубила“²⁾. У Яхьи: „И никто не сомнѣвался, что царь завоюетъ всю Сирію . . . и т. д. . . и что все очутится въ его рукахъ. . . И управлялъ онъ государствомъ лучшимъ и цѣлесообразнѣйшимъ способомъ“³⁾. Очевидно у Яхьи былъ тоже источникъ, желательно относящійся къ Никифору. Былъ ли это тотъ же общій Льву Дьякону и Скилицѣ источникъ, или же его версія дошла до Яхьи черезъ посредство другого источника, неизвѣстно. Но во всякомъ случаѣ эти свѣдѣнія съ чертами оффиціальнаго ихъ происхожденія были хорошо знакомы византійской исторической литературѣ того времени.

При описаніи правленія Цимисхіа Левъ Дьяконъ могъ быть болѣе самостоятельнымъ, такъ какъ находился въ это время во исполнѣ сознательномъ періодѣ жизни. Именно въ этой части

1) Яхья Антіохійскій. Это извлеченіе въ пер. бар. Розена приведено у Сырку „Византійская повѣсть объ убіеніи Императора Фоки“, стр. 77.

2) Leo Diac. p. 54 C—55.

3) Сырку, о. с., p. 78.

труда Льва Дьякона и замѣчается много подробностей сравнительно со Скилицей, особенно въ описаніи сирійскихъ походовъ. Но слѣды общаго источника не исчезаютъ и здѣсь. Описаніе возстанія Варды Фоки и войны со Святославомъ нужно отнести къ общему Льву и Скилицѣ источнику. Правда, нельзя сказать, чтобы Левъ Дьяконъ придерживался порядка своего источника. Изъ его изложенія видно, что онъ многое пропускалъ, многое сокращалъ.

Остается найти конечную дату исторіи изслѣдуемаго нами источника и вмѣстѣ съ тѣмъ terminus post quem для его составленія. Послѣдній разъ изложеніе Скилицы сходится со Львомъ Дьякономъ при описаніи смерти Іоанна Цимисхія. Сходство опять таки очень близкое по содержанію, при чемъ рассказъ Льва Дьякона нѣсколько болѣе кратокъ. Приведемъ оба отрывка, которые бросятъ свѣтъ на источникъ общій обоимъ писателямъ.

Cedren. p. 414—415.

Leo Dias. 109 C.

Γενόμενος δὲ κατὰ τὴν Ἀνάξαρχον, καὶ τὸν Ποδανδὸν καὶ τὰς λοιπὰς παροδεύων χώρας, καὶ βλέπων τὰ ἐν ποσὶ, κτήσεις τε ὁρῶν πολυτελεῖς καὶ χωρία εὐφυῇ τε καὶ πάμφορα, διεπυρθάνετο τοὺς παρευρημένους τίνος αὖν καὶ εἰεν αὐται. ὥς δ' ἐμάνθανε . . . ὅτι περ τοῦ παρακοιμωμένου εἰσὶ Βασιλείου πᾶσαι, αὕτη μὲν καὶ αὕτη Ῥωμαίοις προσκτεθῆσαι ἔναγχος παρὰ Νικηφόρου . . . καὶ τῷ Βασιλείῳ δεδωρῆνται, οὐδὲν δὲ ὅ τι καὶ λόγου ἄξιον εἶδεν ὑπολελειμμένον τῶν προσκτεθέντων τῷ δημοσίῳ, γενόμενος περιαλγῆς καὶ βύθιον στενάξας „δεινόν, ὃ παρόντες“, ἔφη „εἰ τὰ δημόσια καταναλίσκονται χρήματα καὶ τὰ Ῥωμαϊκὰ ταλαιπω-

ῶν δὲ κατὰ πάροδον τὴν τε Λογγιάδα καὶ τὸν Δριζᾶν, χώρας εὐγείους τε καὶ εὐδαίμονας, ἃς πολλοῖς ἰδρῶσι καὶ αἵμασιν ἡ Ῥωμαϊκὴ στρατιὰ τῇ βασιλείᾳ τὸ πρότερον ἀνεσώσατο, τότε δὲ παρὰ τοῦ προέδρου Βασιλείου καὶ παρακοιμωμένου κατεχομένης, ἥσχαλλεν, ὥς τὸ εἰκός, καὶ ἡνῆτο, καὶ τὴν πλεονεκτικὴν ἐκείνου βίαν ὠνείδιζεν . . .

*ροῦνται στρατεύματα, καὶ
οἱ βασιλεῖς ὑπερορίους
ἀναδέχονται κόπους, τὰ δὲ
ἐκ τοσούτων προσκτώμενα
μόχθων καὶ κόπων ἐνὸς
εὐνοῦχου γίνονται κτῆμα“.*

Хотя дословнаго сходства здѣсь и не замѣчается, но по содержанию оба разсказа совершенно тождественны, совпадаютъ детали обстановки — и врядъ ли можно сомнѣваться, что это мѣсто¹⁾ Левъ Дьяконъ почерпнулъ изъ общаго со Скилицей источника. Если это такъ, то необходимо отмѣтить враждебное отношеніе нашего источника къ паракимомену Василию. Вся эта версія о смерти Цимисхія представляетъ собою непровѣренное обвиненіе паракимомена. Василій послѣ смерти Цимисхія не былъ обвиненъ въ преступленіи, но, наоборотъ, получилъ въ свои руки управленіе всею имперіей. Ясно, что такое обвиненіе могло появиться въ письменномъ трудѣ только послѣ паденія паракимомена. Поэтому общій Льву Дьякону и Скилицѣ источникъ былъ законченъ послѣ изгнанія Василия-евнуха. Этимъ мы и устанавливаемъ *terminus post quem* для нашего источника. Можно прибавить, что этотъ источникъ былъ составленъ въ самомъ непродолжительномъ времени послѣ паденія Василия. Въ самомъ дѣлѣ, даже съ точки зрѣнія болѣе отдаленнаго отъ этихъ событій современника становится непонятной страстность рѣчи Цимисхія противъ Василия-евнуха. Крупное землевладѣніе вовсе не было въ то время столь удивительнымъ въ Византіи, чтобы Цимисхій могъ притти отъ этого въ негодованіе. Однако съ точки зрѣнія болѣе близкаго современника рѣчь становится понятнѣе. Въ ней ясно звучитъ недовольство тѣмъ, что всѣми трудами византійскаго народа и императоровъ пользуется одинъ евнухъ, — т. е. проскальзываетъ недовольство тѣмъ, что Василій-евнухъ держитъ въ своихъ рукахъ всю власть. Сторонникамъ молодого, властолюбиваго Василия II, желавшаго освободиться отъ опеки паракимомена, это было непріятно. Выразителемъ этого недовольства и является нашъ источникъ. Къ

1) Но не предшествующее описаніе походовъ Цимисхія, которое имѣетъ мало общаго и у Льва Дьякова, вѣроятно, написано самостоятельно.

моменту паденія паракимомена, чтобы тѣмъ больше опорочить его, въ придворныхъ кругахъ Василия II и былъ, вѣроятно, пущенъ слухъ объ отравленіи паракимоменомъ императора Іоанна Цимисхія. Нашъ источникъ и передаетъ этотъ слухъ, какъ фактъ. Только съ этой точки зрѣнія становится намъ понятнымъ недовольство автора источника богатствомъ Василия-евнуха. Послѣ своего ареста паракимоменъ не переставалъ интриговать. Огромное его богатство составляло его силу. Но Василий II скоро приказалъ конфисковать его имущество, имѣя специальную цѣль обезсилить паракимомена. Такая мотивировка имѣется у Скилицы: *ἀφελόμενος καὶ τὰ πλείω τῆς οὐσίας αὐτοῦ, ὥς μὴ κερδορρημένην ἔχων ὕλην φθάσαι τι δρᾶσαι τῶν ἀνηκέστων* ¹⁾.

У Скилицы эта версія полнѣе передана, чѣмъ у Льва Дьякона. Послѣдній сократилъ ее — и прямую рѣчь передалъ косвенной. Паракимомена въ моментъ окончанія Львомъ Дьякономъ исторіи уже давно не было въ живыхъ. Поэтому пристрастнаго отношенія къ Василию у Льва Дьякона уже быть не могло, и совершенно справедливо у него паракимоменъ могъ считать Цимисхія *βαρὺν δεσπότην* . . . Болѣе близкая передача источника у Скилицы лучше отразила точку зрѣнія современника, чѣмъ сокращеніе Льва Дьякона, который всю страстную рѣчь Цимисхія передаетъ словами *τὴν πλεονεκτηκὴν βίαν ὠνείδιζεν*.

Относительно года паденія Василия-евнуха источники расходятся. Скилица относитъ его къ 980 г., но изложеніе его неясно, невыяснено, въ чемъ заключались интриги паракимомена. Яснѣе версія Яхъи ²⁾, относящаго событіе къ 985 г., въ связи съ возстаніемъ Мелиссина. Годомъ составленія источника Скилицы и Льва Дьякона такимъ образомъ можно считать 985 или 986, и конечно Левъ Дьяконъ, писавшій исторію въ слѣдующемъ десятилѣтіи, могъ воспользоваться этимъ трудомъ.

На основаніи сходства описанія битвы подъ Анхіаломъ въ сочиненіяхъ Льва Дьякона, Скилицы и Ліутпранда нами высказывалось предположеніе, что источникъ ихъ выходилъ по частямъ. Въ той части, которая обнимала описаніе правленія

1) Cedren. p. 443.

2) Бар. Розенъ, Василий Болгаробойца, прим. стр. 173. — Извлеченія стр. 20₁₂; того же года придерживается и Schlumberger, L'empereur Byzantine, I, 575.

Романа I, замѣчается тенденція, враждебная этому императору. Въ описаніи правленія Романа II обращается исключительный интересъ на дѣятельность Никифора II. При описаніи царствованія Никифора II Фоки рѣзко бросается въ глаза благожелательное къ нему отношеніе. Это заставляетъ предполагать, что правленія Романа II и Никифора II составляютъ одну часть, написанную во время послѣдняго императора. Къ Цимисхію неизвѣстный авторъ относится болѣе равно, — что станетъ понятнымъ, разъ окончаніе этой исторіи мы относимъ къ 986 году. Такимъ образомъ этотъ источникъ, подобно труду Михаила Пселла, выходилъ по частямъ, что является характерной чертой трудовъ оффиціального происхожденія. Уже Фишеръ¹⁾ дѣлалъ предположеніе, что Левъ Дьяконъ былъ оффиціальнымъ исторіографомъ, основываясь на характерѣ его свѣдѣній. Вартенбергъ²⁾, однако, выставляетъ затрудненіе для такого взгляда: по своей юности оффиціальнымъ исторіографомъ Никифора II Левъ Дьяконъ быть не могъ, а для Василия II правленіе Никифора было безразлично.

Большая часть свѣдѣній Скилицы о Никифорѣ принадлежитъ къ неблагоприятно настроеннымъ къ этому императору и, очевидно, почерпнутымъ Скилицею изъ особаго источника. Попробуемъ сначала опредѣлить характеръ этихъ сообщеній, чтобы приблизительно обрисовать личность автора. Высказывая свое недовольство, авторъ обыкновенно болѣе всего выдаетъ себя. Что не нравилось ему въ Никофорѣ II? Рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что наиболѣе раздражаютъ автора отношенія императора Никифора къ церкви. Ставя императору въ вину непосильные поборы, грабежи и т. п., авторъ обращается къ отношеніямъ императора къ церкви. Лишеніе церкви права свободнаго выбора епископовъ больше всего возмущаетъ автора: *τὸ δὲ πάντων χαλεπώτερον, καὶ νόμον ἐκδέμενος, ἐν ᾧ καὶ τινες ἐπίσκοποι τῶν εὐριπίστων καὶ κολάκων ὑπέγραψαν*³⁾, Здѣсь съ негодованіемъ обрушивается авторъ не только на императора, но и на тѣхъ епископовъ,

1) W. Fischer, Beiträge z. histor. Kritik d. Leon Diakonos (Mittheil. d. Inst. f. österr. Geschichtsforschung 1886, 353 sq.)

2) Wartenberg. Das Geschichtswerk d. Leon Diakonos, (Byz. Zeitschr., VI, 111).

3) Cedren. p. 368₁₇.

которые содѣйствовали императору въ ущербъ интересамъ церкви. Распоряженія Никифора относительно церкви авторъ называетъ вообще *lāsan idēan anághēs élēgekplltonta* ¹⁾. Тутъ же источникъ Скилицы возмущается проектомъ Никифора причислить воиновъ, павшихъ въ борьбѣ съ мусульманами, къ лику святыхъ, такъ какъ этотъ проектъ противорѣчилъ канону Василия Великаго ²⁾. Очень распространяется авторъ объ *éliticia deuteroqamóntων*, наложенной патріархомъ Поліевктомъ на Никифора за второй бракъ ³⁾, о противоканоничномъ бракѣ императора, нарушившаго законы о духовномъ родствѣ. Скилица не вѣритъ искренности Никифора въ его благочестіи, вѣроятно, тоже на основаніи своего источника ⁴⁾. Это все обличаетъ въ авторѣ человѣка, интересующагося церковными дѣлами и на все смотрящаго съ церковной точки зрѣнія.

Отмѣтивъ подобный характеръ источника Скилицы, попытаемся опредѣлить рамки этого источника.

При описаніи правленія Романа I. Скилица черпалъ свѣдѣнія изъ „продолженія Теофана“. Но и здѣсь мы встрѣчаемъ рассказъ, котораго нѣтъ у продолжателя Теофана. Здѣсь описывается, какъ лишили патріарха Трифона путемъ обмана патріаршей каѳедры ⁵⁾, чтобы возвести на патріаршій престолъ сына Романа I, Теофилакта. Если поставить этотъ рассказъ въ связь съ послѣдующими страницами, враждебно настроенными къ патріарху Теофилакту ⁶⁾, то можно легко предположить, что и это мѣсто, не имѣющееся у продолжателя Теофана, Скилица почерпнулъ изъ источника, отличающагося церковной точкой зрѣнія. Такимъ образомъ мы можемъ съ вѣроятностью предположить, что интересующій насъ источникъ захватывалъ и описаніе несамостоятельнаго царствованія Константина VII, т. е. и правленія Романа I. При описаніи правленія Романа Лекапина Скилица, слѣдовательно, пользовался тремя источниками: главнымъ былъ Theophanes Continuatus, недостающія же свѣдѣнія почер-

1) Ib. p. 369.

2) Ib. p. 369.

3) Ib. p. 352₁₂.

4) Ib. p. 351₂₀.

5) Cedren. p. 313.

6) Ib. p. 332—334.

пались 1) изъ источника, благожелательнаго Льву Фокѣ, и 2) изъ источника съ церковной тенденціей ¹⁾).

При описаніи самостоятельнаго правленія Константина VII Скилица перестаетъ пользоваться VI книгой продолженія Теофана и имѣетъ особые источники. И здѣсь мы наталкиваемся на ту-же рѣзко церковную точку зрѣнія. Самая характеристика императора Константина обличаетъ въ авторѣ челоуѣка, очень заботившагося о церкви: *ἦν δὲ καὶ τὰ πρὸς Θεὸν εὐσεβὴς καὶ φιλότιμος, μηδέποτε ἐν ταῖς πρὸς Θεὸν τυπικαῖς τῶν θείων ναῶν προσελεύσει κενὸς καὶ ἄκαρπος ὀφθεῖς τῷ Θεῷ, ἀλλ' ἀναθήμασι δωρούμενος μεγαλοπρεπέσι καὶ φιλοχρίστῳ βασιλεῖ πρέπουσιν* ²⁾). Бросается въ глаза ревность автора къ соблюденію канонѡвъ: подобно тому, какъ императоръ Никифоръ дважды обвинялся въ нарушеніи канона, такъ и въ описаніи правленія Константина VII авторъ выступаетъ съ подобными обвиненіями. Такъ, при описаніи жизни и смерти патріарха Теофилакта, источникъ Скилицы вспоминаетъ съ негодованіемъ (*φεῦ μοι*), что Теофилактъ былъ поставленъ патріархомъ въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ ³⁾): *ἐξκαίδεκα μὲν ἐτῶν ὡν ὅτε ἀκανονίστως τοὺς τῆς ἐκκλησίας παρείληφεν οἰκας*. Также неканоничнымъ (*τὴν ἀκανόνιστον χειροθεσίαν* ⁴⁾) называетъ авторъ и поставленіе Поліевкта патріархомъ. Церковныя дѣла занимаютъ автора больше всего. Подробно говоритъ онъ объ отношеніяхъ императора къ патріарху, о ссорахъ епископовъ, о проповѣди христіанства, о перенесеніяхъ мощей (о перенесеніи руки св. Іоанна Предтечи), о мученикахъ. Такимъ образомъ самостоятельное правленіе Константина VII описано Скилицею почти исключительно съ церковной точки зрѣнія ⁵⁾). Подобнымъ же образомъ церковный характеръ носятъ и неблагожелательно настроенныя къ императору Никифору страницы ⁶⁾). Это и заставляетъ насъ притти къ выводу, что

1) Hirsch, Byzantinische Studien p. 372 тоже полагаетъ, что въ данномъ мѣстѣ Скилица пользовался тремя источниками; въ одномъ изъ нихъ онъ видитъ Льва Дьякона (см. описаніе Скилицею битвы подъ Анхіяломъ, гдѣ пользование тремя источниками бросается рельефно въ глаза. Cedren. p. 286—287).

2) Cedren. p. 326₂₀.

3) Cedren. p. 332₇.

4) Ib. p. 334₁₅.

5) Описаніе правленія Константина VII занимаетъ у Скилицы стр. 325—338. Изъ нихъ о церковныхъ дѣлахъ говорится на стр. 327, 328, 329, 332—5, 337, 338.

6) Cedren. p. 332 сл. 368—370.

источникъ, откуда черпалъ Скилица свѣдѣнія о самостоятельномъ правленіи Константина VII, тожественъ тому источнику, который враждебно настроенъ къ императору Никифору. Вопросъ, до какого царствованія доходило изложеніе этого источника, нужно рѣшить въ томъ смыслѣ, что во всякомъ случаѣ правленія императора Василия II оно не касалось. Церковныя дѣла Скилица здѣсь уже почти не затрагиваетъ. Царствованіе императора Василия II было очень продолжительно. А при существовавшемъ въ Византіи обычаѣ не писать исторіи живого императора, историки въ продолженіи пятидесяти лѣтъ (976—1025) должны были кончать свое изложеніе, подобно Льву Дьякону, смертью Цимисхіа. Что интересующій насъ авторъ писалъ именно въ этотъ періодъ, можно вывести изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, изъ которыхъ достаточно ясно видно, что авторъ — современникъ описываемыхъ имъ событій. Подробныя характеристики личностей, какъ, напр., Іоанна-евнуха, неблагочестіемъ котораго авторъ возмущается, говорятъ за то¹⁾. Къ Вардѣ Фокѣ, отцу императора Никифора, авторъ достаточно недружелюбно настроенъ и, въ униссонъ съ дальнѣйшими обвиненіями императора, обвиняетъ и его отца въ корыстолюбіи. Относительно Варды Фоки говоритъ между прочимъ, что онъ получилъ въ одной битвѣ рану, рубецъ отъ которой былъ виденъ до самой его смерти²⁾. Сомнительно, чтобы такое извѣстіе могъ дать человѣкъ, не видѣвшій лично Варды Фоки. Отсюда же можно вывести, что исторія написана нашимъ авторомъ во всякомъ случаѣ послѣ 969 года (годъ смерти Варды Фоки). Такія свѣдѣнія, какъ рассказъ объ удивительной джигитовкѣ нѣкоего Филорѣя на ипподромѣ, можетъ принадлежать тоже только перу очевидца³⁾.

Утверждать, что авторъ этого религіознаго источника Скилицы былъ именно человѣкомъ духовнаго званія, было бы однако рискованно. На примѣрахъ Θεодора Дафнопата и Симеона Магистра мы видимъ, что и свѣтскіе люди того времени достаточно интересовались церковными дѣлами. За то, что авторъ былъ скорѣе человѣкомъ свѣтскимъ, говоритъ его характеристика им-

1) Cedren. p. 339.

2) Ib. p. 330.

3) Ib. p. 343.

ператора Константина VII. О немъ у Скилицы говорится такъ: „Казалось, что императоръ при единоличномъ правленіи проявить себя выдающимся дѣятелемъ, но, вопреки возлагавшимся на него надеждамъ, онъ оказался ниже предположеній. Злоупотреблялъ виномъ, избѣгалъ труда, относительно чужихъ ошибокъ однако былъ неумолимъ и немилосердно наказывалъ. Въ назначеніи должностныхъ лицъ онъ былъ неразборчивъ, выбиралъ не наиболѣе достойнаго къ занятію должности, . . . но безъ всякаго испытанія, кому попало ввѣрялъ власть военную и гражданскую, отчего происходило, что человѣкъ низкаго происхожденія и позорной жизни возвышался до высшихъ должностей государства“¹⁾. Не принадлежать ли эти строки чиновнику, разочаровавшемуся въ императорѣ или вслѣдствіе того, что его обошли по службѣ, или потому, что императоръ слишкомъ „немилосердно наказалъ“ его за какую-нибудь „ошибку“?

Что авторъ принадлежалъ къ высоко-образованному обществу, видно изъ его восторженной похвалы тому же Константину VII за его научно-просвѣтительную дѣятельность²⁾. Можетъ быть, авторъ и принадлежалъ къ многочисленной плеядѣ ученыхъ Константина VII. Если и вѣрно наше предположеніе, что авторъ этого источника Скилицы принадлежалъ къ высшему обществу (за это говорить его возмущеніе тѣмъ, что люди низкаго происхожденія проникаютъ къ высшимъ должностямъ), то все-же врядъ ли мы можемъ ожидать отъ него яснаго пониманія происходящаго. Крайняя религіозная точка зрѣнія затемняла ему смыслъ событій. Такъ, императора Никифора онъ судить только съ узко-цѣрковной точки зрѣнія, государственные же интересы его какъ бы не интересуютъ. Прямо антигосударственными кажутся такія его слова по поводу укрѣпленія Никифоромъ предмѣстій Константинополя: *ἡγνόμεν δ', ὡς εἴποιεν, ὡς εἰ μὴ κύριος φυλάξει πόλιν, εἰς μάτην ἡγρόπνησεν ὁ φυλάσσων*³⁾. Разумѣется, что пониманія такого широкаго государственнаго дѣятеля, какъ Никифоръ II, отъ такого безпечнаго религіознаго созерцателя, который и заботы объ укрѣпленіи столицы всецѣло возлагаетъ на Небесную помощь, не приходится.

1) Cedren. p. 325—326.

2) Ib. p. 326.

3) Ib. p. 370.

Тѣмъ не менѣе, изложеніе Скилицы многимъ выигрываетъ отъ того, что онъ пользуется двумя противоположными источниками. Въ преимуществѣ Скилицы легко убѣдиться, сравнивая его сообщенія о Никифорѣ со свѣдѣніями Льва Дьякона. Сообщенія Скилицы, несмотря на сжатость, и богаче фактами и разнообразнѣе по освѣщенію въ сравненіи съ такимъ же тенденціознымъ трудомъ Льва.

Такъ какъ Скилица имѣлъ обыкновеніе пользоваться только однимъ главнымъ источникомъ, и лишь слегка пополнять его сообщеніями другихъ трудовъ, то мы можемъ на основаніи всего вышеизложеннаго составить схему пользованія Скилицею источниками. Источникъ церковнаго характера мы здѣсь обозначимъ буквой А, а источникъ, общій Скилицѣ и Льву Дьякону, желательно относящійся къ Никифору и Льву Фокѣ — буквой Б.

- 1°. Правленіе Романа I. Главный источникъ — VI томъ Theophanes Continuatus. Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ источника Б (р. 287, 288, 295) и одно изъ источника А (р. 313—315).
- 2°. Правленіе Константина VII. Главный источникъ — А; можетъ быть, нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности семейства Фоки почерпнуты изъ источника Б (р. 331, 332). Изъ послѣдняго почерпнуто извѣстіе о походѣ Гонгила на Критъ (р. 336).
- 3°. Правленіе Романа II. Главнымъ источникомъ остается тотъ же — А. Изъ источника Б, можетъ быть, почерпнуты лишь нѣкоторыя дополненія къ разсказу о завоеваніи Крита (р. 340 sq.).
- 4°. Правленіе Никифора II. Источникъ А остается по прежнему главнымъ; изъ источника Б заимствованы лишь разсказъ о переворотѣ 963 года (р. 347—348; 349—351) и разсказъ объ убійствѣ Никифора (р. 375 до 376)¹⁾.

1) Разсказы о военныхъ происшествіяхъ заимствованы Скилицею, вѣроятно, тоже изъ источника, враждебнаго Никифору. 1° напр., въ разсказѣ о взятіи Антіохіи явно враждебное отношеніе къ императору, 2° церковный характеръ источника выдаютъ слова (изъ Сицилійскаго похода р. 360) — *μᾶλλον δὲ ἐπὶ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ τοῦ παρ' αὐτῶν βλασφημουμένου, διολώλασιν ἅπαντες*, 3° многія свѣдѣнія противорѣчатъ Льву Дьякону.

5°. Правленіе Цимисхія. Начиная съ описанія борьбы со Святославомъ главнымъ источникомъ уже является источникъ Б¹⁾.

Источникъ, враждебный Никифору, оказалъ, повидимому, большое вліяніе на дальнѣйшую византійскую историографію. Черезъ Скилицу враждебно настроенныя Никифору свѣдѣнія перешли Зонарѣ, Гликѣ, Манассіи и др. Нужно, однако, думать, что Скилица далеко не полностью исчерпалъ свой источникъ. Слѣды этого источника можно найти у Зонары. Зонара въ общемъ слѣдуетъ изложенію Скилицы, но въ тѣхъ мѣстахъ, которыя дышатъ враждебнымъ отношеніемъ къ Никифору, Зонара приводитъ нѣсколько свѣдѣній, не имѣющихся у Скилицы²⁾, а также нѣсколько самостоятельныхъ подробностей. Такъ, въ рассказѣ о взятіи Антиохіи (съ враждебной Никифору тенденціей) находимъ деталь *φυλάξας οὖν νύκτα μίαν χειμέριον ἀσέλγηρόν τε καὶ νιφετώδη*³⁾. Въ рассказѣ о конфликтѣ императора Никифора съ царемъ болгарскимъ Петромъ Скилица говоритъ, что Петръ подъ различными предлогами (*παντοίαις ἀφορμαῖς*) не препятствовалъ нападенію венгровъ. Зонара же приводитъ эти поводы полностью.

Cedren. p. 372.

Zonaras, p. 87₁₃.

... ἔγραψε Πέτρος τῷ Βουλγαρίᾳ
ἄρχοντι μὴ εἶν τοὺς Τούρκους
διαπερᾶν τὸν Ἰστρον καὶ τὰ Ῥω-
μαίων λυμαίνεσθαι. Τούτου δὲ μὴ
προσέχοντος, ἀλλὰ παντοίαις
ἀφορμαῖς παρακρούοντος...

... ἔγραψεν ἄρχοντι ὁ βασιλεὺς
Νικηφόρος μὴ παραχωρεῖν αὐτοῖς
διαβαίνειν τὸν Ἰστρον καὶ τῇ Ῥω-
μαίων λυμαίνεσθαι. ὁ δὲ οὐχ ὑπή-
κουσε, λέγων ὡς „ὅτε καθ’
ἡμῶν οὗτοι ἐστράτευον,
παράκαλούμενος συμμα-
χησαὶ ἡμῖν ὅκ ἡθέλησας
κτλ.

Изъ этого текста дѣлается вполне вѣроятнымъ, что Зонара, на ряду съ пользованіемъ хроникой самого Скилицы, восполь-

1) Переменная источника рѣзко замѣчается. О церковныхъ дѣлахъ почти не говорится, см. стр. 414: *Βασιλείον δὲ τοῦ πατριάρχου ἐκ αἰτίας διαβληθέντος καὶ στυγρικῶς καθαιρεθέντος προεβλήθη πατριάρχης Ἀντώνιος...* Такъ кратко повѣствуется о шумномъ церковномъ событіи.

2) G. Wartenberg, o. c., p. 301.

3) Zonaras, ed. Dindorf, IV, p. 84₂₆.

зовался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и его источникомъ. Этотъ самый церковный источникъ, вѣроятно, оказалъ вліяніе и на т. н. „хронику Симеона Магистра“ въ ея самостоятельныхъ сообщеніяхъ (о лишеніи кафедры Трифона, что соотвѣтствуетъ изложенію Скилицы, Sym. Mag. ed. Bonn. 742; о знакомствѣ Поліевкта съ Романомъ I p. 750, также p. 755, 756).

Сохранилось ли въ византійской литературѣ указаніе на то, что существовалъ подобный источникъ, отличающійся церковнымъ характеромъ и написанный во вторую половину X вѣка? Прямыхъ указаній мы не имѣемъ, но за то знаемъ, что существовала большая церковная исторія отъ сотворенія міра до малолѣтства Константина VII включительно. Авторъ ея жилъ во время Романа I¹⁾. Какъ по времени составленія, такъ и по содержанію (такъ какъ источникъ содержитъ и описаніе правленія Никифора II) этотъ трудъ точно не совсѣмъ подходитъ къ источнику Скилицы. Принимая во вниманіе, однако, церковную тенденцію нашего источника, мы можемъ предполагать, что имѣемъ дѣло съ продолженіемъ вышеупомянутаго труда, и что въ данномъ мѣстѣ Скилица пользовался церковною исторіей.

2. Левъ Дьяконъ.

При разборѣ хроники Скилицы мы пришли къ тому выводу, что Левъ Дьяконъ и Скилица пользовались общимъ источникомъ. Этотъ выводъ, однако, бросаетъ совершенно особый свѣтъ на историческій трудъ Льва Дьякона, почему и является необходимымъ обратиться къ нему подробнѣе. Соотвѣтствуетъ ли нашъ выводъ тѣмъ даннымъ, которыя мы можемъ добыть при разборѣ труда Льва Дьякона? Вѣдь Левъ Дьяконъ считается писателемъ самостоятельнымъ, построившимъ свой трудъ исключительно на собственныхъ впечатлѣніяхъ и на показаніяхъ современниковъ-

1) C de Boor, Zur kirchenhistorischen Litteratur (Byzantinische Zeitschrift, V p. 16: οὗτος ὑπέρτερον (ὑπεργρηγως?) γεγωνὼς ἐν τῇ τοῦ Πόντου Ἡρακλείᾳ καθήμενος βιβλία δύο συντάττει σκεδόν τὴν ἀπ' ἀρχῆς κόσμου μέγιστον αὐτοῦ κοσμικὴν τε καὶ ἱερὰν ιστορίαν περιλείοντα ὡς τὸ μὲν ἀπὸ τῆς ποιήσεως οὐρανοῦ καὶ γῆς ἄρχει καὶ αὐτῆς σαρκώσεως τοῦ Κυρίου κατείσιν εἰς ἑξήκοντα κεφάλαια διηρημένον τὸ δὲ ἕτερον καὶ αὐτὸ εἰς ἴσα κεφάλαια τετμημένον ἄρχει καὶ ὅλης αὐτῆς βασιλείας Κωνσταντίνου τοῦ Πορφυρογεννήτου διέξεισιν

очевидцевъ. Таково мнѣніе Газе и Вартенберга¹⁾. Исторія Льва Дьякона, такимъ образомъ, считается источникомъ первой руки, ни отъ кого не зависящимъ, нашъ же выводъ низводитъ Льва Дьякона въ разрядъ компиляторовъ, поскольку это касается нѣкоторыхъ мѣстъ.

Самъ Левъ Дьяконъ опредѣленно высказывается въ томъ духѣ, что онъ пишетъ только то, что видѣлъ самъ или слышалъ отъ другихъ: *Ὅσα μὲν οὖν ἐπὶ τὸν χρόνον τοῦ αὐτοκράτορος Κωνσταντίνου υἱοῦ Λέοντος, ᾧ Πορφυρογέννητος ἢ ἐπικλησις, ἐπισυμβέβηκε πράγματα . . . , παρήσειν μοι δοκῶ ἀποχρώντως γὰρ ἄλλοις ἱστόρηται. τὰ δὲ τούτων ἐχόμενα, καὶ ὅσα ὀφθαλμοῖς καὶ αὐτὸς τεθέσθαι (εἴπερ ὀφθαλμοὶ ὧτων πιστότεροι, καθ' Ἡρόδοτον), τὰ δὲ καὶ πρὸς τῶν ἰδόντων ἠκρίβωσα, ταῦτα καὶ δώσω γραφῇ²⁾. Однако нѣкоторыя сомнѣнія въ правдивости этого утвержденія высказывались уже давно³⁾. Со своей стороны мы обращаемъ вниманіе на то обстоятельство, что данныя слова помѣщены Львомъ Дьякономъ въ его введеніи. Полагаться же на введеніе очень рискованно, такъ какъ въ немъ Левъ стремится во что бы то ни стало подражать Агаѳію и выписываетъ изъ его труда цѣлыя фразы, выдавая ихъ за собственныя мнѣнія. Подобное же можно сказать и о вышеприведенной цитатѣ: Агаѳій въ своемъ введеніи⁴⁾ заявляетъ, что событія, предшествующія его изложенію, описаны уже въ другихъ историческихъ трудахъ*

1) Hase, ad Leon. Diac., p. IX: ac primo quidem magna est Leonis commendatio, quod quae ipse viderit litteris mandavit, habendusque est inter scriptores illos, unde alii, qui posterius fuerunt, quasi e fonte capite narrationes rerum deduxerunt.

G. Wartenberg, Leon Diakonos und die Chronisten (Byzantinische Zeitschrift VI, 312).

2) Leo Diac., p. 2 D.

3) Сырку, Византийская повѣсть объ убіеніи Никифора Фоки, стр. 92: Можно сказать, что Левъ Дьяконъ, или заимствовавшій отъ него, или изъ одного источника съ нимъ . . . былъ источникомъ Матвѣя Эдесскаго. G. Wartenberg, о. с., p. 302: Die Angabe desselben (Leo Diak.), dass er nur Selbsterlebtes oder von Augenzeugen ihm Mitgeteiltes berichte, dürfte in diesem Falle den geringsten Verdachtsgründen gegenüber nicht standhalten.

4) τὰ μὲν γὰρ πλεῖστα τῶν κατὰ τοὺς Ἰουστινιανοῦ χρόνους γεγενημένων, ἐπειδὴ Προκοπίῳ τῷ ῥήτορι τῷ Καισαρεῖαθεν ἐς τὸ ἀκριβὲς ἀναγέγραπται, παρίτερον ἐκεῖνα ἔμοιγε, ἅτε δὴ ἀποχρώντως εἰρημμένα (Agathiae Myrinaei ed. Bonnae, p. 11). ἐγὼ δὲ ἐς τὰ ἐχόμενα τούτων . . . (конецъ введенія Агаѳіа, р. 14); также ἀποχρώντως γὰρ πον Προκοπίῳ (р. 105); ср. съ вышеприведенной цитатой изъ Льва.

(у Прокопія). Вышеприведенная цитата изъ Льва Дьякона является такимъ образомъ перифразой Агаѳіа и врядъ ли изъ нея можно выводить, что византійская историографія къ 990 году доходила только до смерти Константина VII, какъ это явствуетъ изъ словъ Льва.

Исторія Льва Дьякона, начинаясь со смерти Константина, доходитъ до смерти Цимисхія. Въ видѣ вставокъ, однако, описываются нѣкоторыя событія, происшедшія позднѣе 976 года.¹ Приводя такія вставки какъ бы мимоходомъ, Левъ Дьяконъ обѣщаетъ остановиться на нихъ впослѣдствіи подробнѣе, чего, однако, не исполнилъ. Отсюда заключаютъ, что исторія Льва является не законченнымъ трудомъ, но только частью задуманнаго имъ сочиненія¹).

Думая написать исторію своего времени, Левъ Дьяконъ не поставилъ себѣ опредѣленнаго конечнаго пункта. На смерти Іоанна Цимисхія онъ остановился, вѣроятно, вслѣдствіе того, что не находилъ удобнымъ описывать правленіе живого императора. Пятидесятилѣтнее правленіе Василия II не позволило Льву выпустить продолженія его труда.

Когда началъ Левъ свою исторію? Врядъ ли онъ началъ ее писать во время Іоанна Цимисхія, какъ это думаетъ Г. Вартенбергъ²). Въ это время Левъ былъ еще слишкомъ молодъ, да и во введеніи

1) Leo Diac., p. 109 B: *ἀλλὰ τὰτα μὲν κατὰ μέρος εἰς τοὺς ἑαυτῶν καιροὺς ἡ ιστορία παραδιδώσκει*. Правда, Га зе (въ предисловіи къ изданію Льва Дьякона, стр. VII) понимаетъ эту фразу въ томъ смыслѣ, что Левъ предлагаетъ подробнѣе описать упомянутыя имъ событія другимъ историкамъ. Но William Fischer (въ статьѣ „Beiträge zur historischen Kritik des Leon Diaconos und Michael Psellos“ въ Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, B. VII, 1886, стр. 355) толкуетъ эти слова, какъ обѣщаніе Льва вернуться къ этимъ событіямъ позднѣе не въ отрывочномъ изложеніи, а *κατὰ μέρος*; въ доказательство W. Fischer ссылается на подобныя мѣста у другихъ писателей. Мы присоединяемся ко взгляду Фишера, при чемъ приведемъ аналогію не изъ другихъ писателей, а изъ труда самого Льва Дьякона. Въ началѣ труда онъ перечисляетъ событія, которыми было богато его время: землетрясенія, знаменія и т. д. Переходя затѣмъ къ болѣе подробному изложенію, Левъ Дьяконъ пишетъ: *ἀλλὰ μοι εἴη . . . τὰτα δεόντως ἐπεξηγήσασθαι. ἡ μὲν οὖν ιστορία κατὰ τὸ ἐνὸν ἐμοὶ λεχθήσεται κατὰ μέρος*.. (Leo Diac., p. 2 C). Отмѣчая полную аналогію употребленія въ обоихъ случаяхъ словъ *ιστορία* и *κατὰ μέρος*, необходимо примкнуть ко взгляду Фишера о незаконченности труда Льва Дьякона. Къ этому взгляду примыкаетъ и Wartenberg, das Geschichtswerk des Leon Diaconos (Byz. Zeitschr. B. VI, 105). Имъ приводятся различныя признаки незаконченности отдѣлки труда.

2) G. Wartenberg, o. c., p. 110.

есть уже намекъ на землетрясеніе 989 года¹⁾. Болѣе сложенъ, но и болѣе важенъ вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ о томъ, когда выпустилъ Левъ Дьяконъ свою исторію. Газе, основываясь на томъ, что Левъ Дьяконъ упоминаетъ о взятіи Херсонеса и о возстаніи Фоки, относитъ *terminus post quem* для окончанія исторіи къ 989 году²⁾. В. Фишеръ³⁾ и бар. Розенъ⁴⁾, основываясь на одномъ и томъ-же извѣстіи объ отстройкѣ купола храма св. Софіи, относятъ Исторію къ 992 и 995 году. На этомъ можно было бы и остановиться, если бы не возникали нѣкоторыя затрудненія. Уже давно предлагался въ русской исторической литературѣ вопросъ, почему Левъ Дьяконъ, будучи современникомъ 90-хъ годовъ X вѣка, ни словомъ не обмолвился о крещеніи Руси. Мало того, Левъ Дьяконъ совершенно опредѣленно говоритъ о язычествѣ русскихъ. Такъ въ IX книгѣ (р. 92 C—D) онъ говоритъ о вѣрованіяхъ воиновъ Святослава, объ ихъ жертвоприношеніяхъ. Почему Левъ Дьяконъ не замѣтилъ при этомъ, что русскіе уже оставили язычество? Правда, отсутствіе свѣдѣній о крещеніи Руси можно объяснить просто: обо всемъ, что касалось происшествій послѣ 976 г., Левъ Дьяконъ хотѣлъ написать потомъ подробнѣе. Въ

1) καὶ σεισμῶν ἀπίστον κινήσεων... (Leo Dias., p. 2 A.) и *φρικώδης σεισμὸς* p. 109 A.

2) Hase, ad Leon Dias., p. VII. Leo Dias., p. 108 C.

3) W. Fischer, l. c.

4) Бар. Розенъ, Императоръ Василій Болгаробойца, стр. 225, пр. 176. Разногласіе у обоихъ произошло вслѣдствіе неясности года землетрясенія, упоминаемаго Львомъ. В. Фишеръ, ссылаясь на рядъ источниковъ, относитъ землетрясеніе къ 986 г. Бар. Розенъ же, основываясь на датировкѣ Яхьи Антиохійскаго (стр. 26 извлеченій) считаетъ землетрясеніе происшедшимъ въ 989 году. Если же со своей стороны обратиться ко Льву Дьякону, то имъ землетрясеніе относится ко дню св. Димитрія (т. е. 26 октября, „Ἀγάμης τοῦ μεγάλου σεισμοῦ“, какъ отмѣчается церковью этотъ день), но безъ указанія года (Leo Dias., p. 108 D). Однако имъ дается указаніе, что землетрясеніе случилось послѣ того, какъ комета появилась во второй разъ; въ первый разъ комета была видна въ 975 году, во второй же разъ (если обратиться за хронологическими данными къ Яхѣ, бар. Розенъ, стр. 28₃₅—29) комета и огненные столбы показались въ 989 году. Упоминаемое Львомъ Дьякономъ возстановленіе Василіемъ II купола храма св. Софіи совершилось 6 лѣтъ послѣ землетрясенія. Слѣдовательно, исходя изъ даты землетрясенія, *terminus post quem* для исторіи Льва Дьякона нужно отнести не къ 992, а къ 995 году. Ближе опредѣляетъ дату возстановленія купола храма Св. Софіи А. В. Паладопуло-Керамевсъ, относя это событіе къ 13 мая 994 года (Ж. М. Н. Пр. 1898, сентябрь, „Къ исторіи греческихъ этимологиковъ“, стр. 115“).

изданной же имъ исторіи Левъ касается только бѣдствій, которыя навлекла своимъ появленіемъ комета. Крещеніе же Руси Левъ Дьяконъ причислить къ бѣдствіямъ не могъ. Этимъ можно было бы и объяснить, почему Левъ упоминаетъ о взятіи русскими Херсонеса, ничего не говоря объ обратной его передачѣ Византіи. Но эти соображенія могутъ объяснить только отсутствіе фактическихъ данныхъ, но никакъ не могутъ считаться достаточными для выясненія, почему Левъ вездѣ считаетъ русскихъ язычниками, даже выставляетъ ихъ въ противоположность болгарамъ, народу одной вѣры съ Византіей¹⁾, — не обмолвившись ни однимъ намекомъ на происшедшую перемѣну. Но кромѣ того существуетъ еще болѣе серьезное затрудненіе, до сихъ поръ незамѣченное изслѣдователями. Въ вставкѣ о Болгаріи Левъ Дьяконъ пишетъ слѣдующее: *παρὰ μόνον Κωνσταντίνου λέγεται Κοπρώνιμον ἡσσηθῆναι Μουσούς, καὶ αὖθις παρὰ τοῦ ἐγγόνου αὐτοῦ Κωνσταντίνου τοῦ τῆς Αὐγούστης Εὐλήνης υἱοῦ, καὶ τὰ νῦν δὲ πρὸς Ἰωάννου τοῦ αὐτοκράτορος, ὃς τὰς τῶν Μυσῶν πόλεις αἰχμῇ παρεστήσατο· οὐχ ἱστορεῖται δὲ τις Ῥωμαίων ἕτερος, τοῦτου ἐπὶ τῆς σφετέρας γῆς καταγωνισάμενος²⁾*. Писать, что кромѣ Константина и Іоанна Цимисхія никто изъ византійскихъ императоровъ не побѣждалъ болгаръ на ихъ собственной землѣ, можно было только до побѣдъ Василия Болгаробойцы. Невозможно предположить, что Левъ Дьяконъ, зная о побѣдахъ царствующаго императора, могъ бы написать такія строки. Византія еще не знала побѣдъ Василия Болгаробойцы. Эти слова уже никакъ не могутъ быть написаны въ 995 году и позднѣе. Именно 991—995 года отмѣчаются рядомъ успѣховъ самого Василия II надъ болгарами на ихъ собственной землѣ. Лѣтописецъ Яхья, хронологія котораго наиболѣе тщательна, пишетъ такъ: „и встрѣтилъ царь Василій болгаръ (подъ 991 г.), и обратилъ ихъ въ бѣгство, и взялъ въ плѣнъ ихъ царя. И спасся Комитопулъ, начальникъ его войскъ, и управлялъ государствомъ болгарскимъ. И оставался царь Василій враждовать съ ними и воевать ихъ страны въ теченіе четырехъ лѣтъ. И выступалъ онъ зимою въ области земли болгарской, и воевалъ, и полонилъ, и взялъ въ

1) Leo Diaс., p. 48 D.

2) Ib., p. 64 A.

теченіе этого времени нѣсколько ихъ крѣпостей и т. д.“¹⁾. Писать послѣ этого, что никто изъ императоровъ, кромѣ Константина и Цимисхія не побуждалъ болгаръ на ихъ собственной территории, Левъ не имѣлъ никакой возможности. Трудно устранить это затрудненіе, если принимать, что Левъ написалъ исторію въ 995 году²⁾. Обратимъ, однако, вниманіе на то, что 995 годъ мы получаемъ только на основаніи извѣстія объ отстройкѣ храма Св. Софіи. На примѣрѣ же другихъ византійскихъ хроникъ мы часто могли убѣждаться, какъ рискованно основываться на какомъ нибудь одномъ случайномъ извѣстіи. Такія мѣста зачастую оказывались вставками переписчиковъ. То же самое можно предположить и о данномъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что извѣстіе объ исправленіи Василиемъ II купола мы находимъ у всѣхъ хронистовъ, какъ византійскихъ, такъ и у Матвѣя Эдесскаго и Яхьи. Извѣстіе же Льва Дьякона исчерпывается словами *ἅπερ αὐτὸς ὁ αὐτοκράτωρ Βασίλειος ἐν ἐξ ἐμαυτοῖς ἐδομήσατο*, совершенно не походить на слова писателя, писавшаго въ тотъ же годъ, и носить характеръ типичной глоссы. Несмотря на то, что вопросъ касается только разницы въ 5—6 лѣтъ, намъ онъ кажется, тѣмъ не менѣе, достаточно важнымъ. Въ эти пять лѣтъ положеніе Византіи совершенно измѣнилось: начинался одинъ изъ блестящихъ періодовъ ея исторіи. Періодъ же 976—989 гг. является однимъ изъ самыхъ печальныхъ. Это и отразилось на трудѣ Льва Дьякона. Очень грустно смотритъ онъ на общее положеніе государства. Отчаяніемъ дышатъ такіе строки: „явленіе кометы предзнаменовало сильные мятежи, нашествія народовъ, гражданскія возмущенія, переселенія городовъ и цѣлыхъ областей и почти совершенную гибель римскаго могущества“ (р. 104). Блестящія же побѣды Никифора и Цимисхія для него такое же отдаленное прошлое, какъ побѣды Юстиніана.

1) Яхья (бар. Розенъ, о. с.) р. 28.

2) Правда, можно было бы пытаться объяснить это противорѣчіе, воспользовавшись предположеніемъ Вартенберга о томъ, что Левъ Дьяконъ написалъ исторію не сразу, а началъ ее до смерти Цимисхія. Однако обращаемъ вниманіе на то, что именно самыя послѣднія строкъ исторіи Льва дышатъ тѣмъ же пессимизмомъ, что и въ кн. VI. Такъ въ X книгѣ (стр. 104 D) читаемъ слова Льва Дьякона о томъ, что комета предвѣщала „почти полное крушеніе Римскаго могущества“, — т. е. что конецъ исторіи Льва былъ написанъ до блестящихъ побѣдъ Василія II.

Левъ Дьяконъ получилъ хорошее для X вѣка историческое образованіе. Прокопій и Агаѳій оказали на него большое вліяніе. Заинтересовался ли онъ ими, какъ прославленными авторами древности, или же его заинтересовало больше само содержаніе произведеній этихъ писателей — сама эпоха, полная блеска для „римлянъ“, каковымъ считаетъ себя Левъ? Скорѣе заинтересовала его именно эпоха. Время Юстиніана такъ походило для него на эпоху Романа II, Никифора и Цимисхіа. Блестящія побѣды, верхъ славы — и послѣ этого гибель всего могущества въ обоихъ случаяхъ. Аналогію Левъ могъ находить въ обоихъ эпохахъ полную. И вотъ тогда онъ задумалъ написать исторію своего времени. Писалъ онъ нѣсколько своеобразнымъ способомъ. Его руководствомъ служила исторія Агаѳія. Найдя сходство эпохъ, онъ хотѣлъ представить свое время именно въ такихъ чертахъ, какими описалъ свою эпоху Агаѳій. Исторія Льва Дьякона есть возможно близкое подражаніе труду Агаѳія. Никифоръ II, Левъ Фока и Цимисхій соотвѣтствовали Велизарію и Нарзесу. И Левъ Дьяконъ старался представить своихъ героевъ такъ, чтобы они какъ можно больше походили на юстиніановскихъ героевъ. Исторія Агаѳія оказала вліяніе не только на стиль, но именно и на содержаніе. Само построеніе исторіи, методъ писанія¹⁾ переняты Львомъ отъ Агаѳія. Уже при чтеніи введенія, которымъ Левъ Дьяконъ, подобно другимъ византійскимъ писателямъ, начинаетъ свою исторію, дѣлается яснымъ, съ какимъ посредственнымъ историкомъ-подражателемъ мы имѣемъ дѣло. Оказывается, что все свое введеніе Левъ Дьяконъ написалъ, имѣя въ рукахъ подобное же введеніе Агаѳія. Списывая изъ введенія Агаѳія цѣлыя предложенія, Левъ Дьяконъ стремился во всемъ подражать ему. Планъ введенія Льва совершенно тождественъ плану введенія Агаѳія. Въ началѣ своего труда Агаѳій высказываетъ свой взглядъ на исторію, ея пользу и задачи²⁾. Левъ Дьяконъ развиваетъ тотъ же взглядъ, пользуясь выраженіями Агаѳія³⁾. Потомъ Агаѳій

1) О методѣ см. G. Wartenberg, Das Geschichtswerk d. Leon Diakonos (Byz. Zeitschr., VI), 105.

2) Agath. ed. Bonn, p. 4—5.

3) Hase, ad Leon. Diac., p. 185. Само начало исторіи *Εἰπερ ἄλλο τι...* взято отъ Агаѳія p. 5.

перечисляетъ выдающіяся происшествія, которыми было богато его время. У Льва Дьякона такое же перечисленіе событій стоитъ на томъ же мѣстѣ и выражено почти тѣми же словами¹⁾. Послѣ этого Агаѣій открываетъ свое имя. Точно такъ же поступаетъ и Левъ Дьяконъ.

Agath., p. 8—9.

Leo Diac., p. 2 C.

Ἐμοὶ Ἀγαθίας μὲν ὄνομα, Μύρινα δὲ πατρίς, Μεμνόνιος δὲ πατήρ, τέχνη δὲ τὰ Ῥωμαίων νόμιμα καὶ οἱ τῶν δικαστηρίων ἀγῶνες. Μύριναν δὲ φημι . . . τὴν ἐν τῇ Ἀσίᾳ πάλαι ὑπὸ Αἰολέων ἀποκισμένην, ἀμφὶ τὰς ἐκβολὰς τοῦ Πυθικοῦ ποταμοῦ, ὃς δὴ ῥέων ἐκ Λυδίας τῆς χώρας ἐς τὸν ἔσχατον αὐλῶνα τοῦ κόλπου τοῦ Ἐλαίτου ἐμβάλλει.

. . . Λέων εἰμὶ Βασιλείου υἱός· πατρίς δέ μοι Καλὴ, χωρίον τῆς Ἀσίας τὸ κάλλιστον, παρὰ τὰς κλιτύς τοῦ Τμήλου ἀποκισμένον, ἀμφὶ τὰς πηγὰς τοῦ Καῦστρίου ποταμοῦ, ὃς δὴ, τὸ Κελβιανὸν παρὰ ῥέων καὶ ἤδυστον θαῦμα τοῖς ὁρῶσι προκείμενος, ἐς τὸν τῆς κλεινῆς καὶ περικύστου Ἐφέσου κόλπον πελαγίζων ἐσβάλλει.

Вслѣдъ за этимъ въ введеніи Агаѣія слѣдуютъ опять нѣсколько словъ объ исторіи вообще. Тоже самое мы видимъ и у Льва Дьякона. Затѣмъ Агаѣій говоритъ о предшествовавшихъ его труду историкахъ и обозначаетъ годъ, съ котораго онъ думаетъ начать свою исторію. Левъ Дьяконъ объ исторіографіи ничего не говоритъ, ограничивается только указаніемъ, что многіе другіе историки описали предшествующій періодъ²⁾.

Однако такимъ подражаніемъ Левъ Дьяконъ не ограничивается. Желая еще больше походить на Агаѣія, онъ дѣлаетъ его буквально источникомъ даже для нѣкоторыхъ свѣдѣній и подробностей. Желая, чтобы его герои походили на героев Агаѣія, Левъ Дьяконъ заставляетъ воиновъ Никифора II и Цимисхія сражаться такъ, какъ сражались во время Юстиніана. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ главъ Левъ описываетъ, какъ императоръ Никифоръ обучалъ свою ар-

1) Leo Diac., p. 2 A, ср. Agath., p. 6.

2) Agath., p. 14 и Leo Diac., p. 2 D. См. выше.

мію военному искусству: „не опуская ничего изъ того, что . . . было изобрѣтено для военныхъ цѣлей.“ Въмѣсто того, чтобы дать, цѣнное свѣдѣніе о состояніи современнаго ему военнаго дѣла, Левъ Дьяконъ передаетъ рассказъ Агаѳіа, слегка передѣлывая его.

Agath., p. 63—64.

Leo Diac., p. 22.

Ἦδη δὲ τοῦ ἥρωος ἐπιγινόμενον, ἐνταῦθα κατὰ τὸ προστεταγμένον ξυνεκροτοῦντο αἱ δυνάμεις, καὶ ἅπαντα ἡθροιστο τὰ στρατεύματα. Нарзһς δὲ ἐξασκεῖν τε ἐπιπλέον αὐτοῦς ἐκέλευεν τὰ πολέμια, καὶ ἐπερὶ ὧν νυνεὺ τὸν θυμὸν ταῖς καθήμεραν μελέταις· τροχάζειν τε ἀναγκάζων καὶ ὑπὲρ τῶν ἱππων ἐν κόσμφ ἀναπάλλεσθαι, ἔς τε πυρόδιχην τινὰ ἐνόπλιον ὄρχησιν περιδινεῖσθαι, καὶ θαμὰ τῇ σάλπιγγι καταβομβεῖσθαι τὸ ἐνυάλιον ἐπηχοῦσθαι. . .

Ἦδη δὲ τοῦ ἥρωος μεσοῦντος... ὁ Νικηφόρος . . . τὸν στρατὸν πάνσιν ὡς αὐτὸν συνεγείρων καὶ ἐκαλούμενος. ἐν ᾧ δὲ συνήρχετο τὰ στρατεύματα, τοὺς ἄμφ' αὐτὸν ἐξήσκει τὰ πολέμια, καὶ τὸν θυμὸν ἔθγγε, καὶ ἐπερὶ ὧν νυνεὺ ταῖς καθ' ἡμέραν μελέταις, καὶ τῇ ἐνόπλιον ἐξεπαίδευε περιδίνησιν, θαμὰ ταῖς σάλπιγγιν ἐγκελευόμενος ἐπηχεῖν, καὶ τὰ τύμπανα παταγεῖν, καὶ ἀλαλάζειν τὰ κύμβαλα, ἐφ' ἱππων τε ὑπερ-ἀλάλειςθαι. . .

Такимъ образомъ оказывается, что мѣстами Левъ Дьяконъ пишетъ не столько о Никифорѣ Фоκѣ, сколько о Нарзесѣ. Такой пріемъ у Льва Дьякона примѣняется очень часто. Когда онъ описываетъ подробности битвъ, осады крѣпостей, приступы и всякія данныя обстановки происшествій, то почти всегда онъ пользуется, какъ источникомъ, Агаѳіемъ. Приведемъ для примѣра нѣсколько мѣстъ изъ описанія осады Никифоромъ Фокой критскихъ укрѣпленій.

Agath., p. 32.

Leo Diac., 8 D.

Οἱ δὲ ἄμφι τὸν Ἀλίερον ἀνὰ τὰ μεταπύργια τοῦ τείχους ξυνειλεγμένοι, οὐ σχολαίτερον ἀντακοντίζοντες τε καὶ ἀντιτοξεύοντες διεμάχοντο, λίθους τε ἐκ χειρῶν μεγάλους ἐπαφέντες, καὶ φι-

Οἱ δὲ βάρβαροι καὶ αὐτοὶ τῆς ἀνάγκης κατεπειγούσης ῥωμαλέως ἀντηγωνίζοντο, ἐκ τοῦ τείχους τε ἀμυνόμενοι καὶ ἀντιτοξεύοντες, καὶ πελέκεις ἄνωθεν ῥιπτοῦντες, καὶ ταλαντιαίους

τροὺς καὶ πελέκεις, καὶ ὅπερ λίθους ἐπαφιέντες· καὶ οὐ-
 ἄν οὐ πόρρω τῆς χρείας ἐδόκει, δὲν ὁ τι παρεῖτο τούτοις τῶν
 μηχαναῖς τε ἐχρῶντο καὶ εἰς τὸ πολεμεῖν ἀμυντηρίων...
 ἀμυντηρίοις, καὶ οὐδὲν ὅ τι
 παρεῖτο.

Врядъ ли арабы съ критскихъ укрѣпленій металн сѣкиры (πελέκεις), какъ это дѣлали остъ-готы. Но Левъ Дьяконъ при описаніи подробностей придерживается все-таки Агаѳіа. Желая описать взятіе критской цитадели, Левъ Дьяконъ просто пересказываетъ штурмъ одной готской крѣпости войсками Нарзеса.

Agath, p. 34—35.

Leo Diac., p. 15 C.

Ἐπεὶ δὲ ἅπαν ἤδη τὸ τεῖχος ὀπό-
 σον τῷ ἄντρῳ παρετέτατο, ἐκκρε-
 μές τε ἦν καὶ μετέωρον, καὶ μό-
 νοις ἐπεβεβήκει τοῖς ξύλοις, ἃ
 δὴ ὀρθοστάδην ἐτύχανον ἐρη-
 ρισμένα, τότε δὴ φυλλάδα νή-
 σαντες. καὶ ὅ τι τῆς ὕλης τα-
 χυδαές τε καὶ αὖον, καὶ εἴτα
 ὑποθέντες πῦρ τε ἐναύσαντες,
 ἐκτὸς ἀπεχώρουν. οὐκ ἐς μακρὰν
 δὲ τῆς φλογὸς ἀρθείσης, τὰ μὲν
 στηρίγματα εὐθὺς ἀνθρα-
 κούμενα, καὶ πρὸς τὴν ἀντίθε-
 σιν ἐνεδίδου. πύργοι τε οἱ
 ἐνθένδε καὶ προμαχεῶνες ἐξαπι-
 ναίως ἀπορῥαγέντες τῶν
 ἄλλων, ἐς τὸ πρᾶνές ἐξεκυλίσθη-
 σαν. . .

Ἐπεὶ δὲ τὰ γαῖσα, ἥπερ διώρνττον
 οἱ ἐπὶ τοῦτο ταχθέντες, ἐκκρεμῇ
 καὶ ὑπόκενα, ὡς τὸ εἰκός, ἐξευρά-
 σαντο, ὀρθοστάδην ξύλοις ὑπή-
 ρειδον, ὕλην τε ταχυδαῆ καὶ
 αὖον συννήσαντες καὶ πῦρ
 ἐνιέντες, τῆς διώρυχος ὑπεξήεσαν.
 τῆς δὲ φλογὸς ἀναφθείσης καὶ
 τῶν στηρίγματων ἀνθρα-
 κωθέντων, δύο πύργοι ὁμοῦ
 τῷ διαμέσῳ τούτων δομήματι τοῦ
 τείχους ἐξαπιναίως ἀπορ-
 ραγέντες, ὑφίζανόν τε, καὶ ἡπω-
 λίσθαινον, καὶ πρὸς τοῦδαφος κατ-
 εφέροντο.'

Много другихъ мелкихъ подробностей взято Львомъ Дьяко-
 номъ отъ Агаѳіа; напр., рассказъ о томъ, какъ Никифоръ приво-
 дилъ въ ужасъ гарнизонъ крѣпости, мѣстами дословно сходится
 съ рассказомъ Агаѳіа о подобномъ приѣмѣ, правда, не столь
 жестокомъ, со стороны Нарзеса¹⁾. Такимъ образомъ, изъ этихъ
 примѣровъ мы можемъ себѣ составить нѣкоторое представление,

1) Agath., p. 39—40 и Leo Diac., p. 8 C.

какимъ образомъ мѣстами Левъ Дьяконъ писалъ исторію. Желая описать какое либо событіе, онъ пользовался фактическими данными лишь въ общихъ чертахъ; подробности же обстановки онъ придумывалъ самъ, стараясь по возможности находить ихъ у Агаѳея, а можетъ быть, и у какого-либо другого историка. На примѣрѣ, взятомъ изъ осады Крита, мы такимъ образомъ ясно видимъ, какъ Левъ Дьяконъ иногда узнаетъ подробности не изъ рассказовъ современниковъ или какихъ другихъ современныхъ источниковъ, а находитъ ихъ у Агаѳея¹⁾.

Эти наивные историческіе приемы Льва Дьякона лишаютъ значенія многія мѣста его исторіи, особенно, гдѣ онъ описываетъ бытовые черты. Такъ, при чтеніи описанія наружности Святослава, мы вполне можемъ заподозрить достовѣрность этого рассказа. Неизвѣстно, представляетъ ли Левъ Дьяконъ Святослава такимъ, какимъ знаетъ его по рассказамъ очевидцевъ, или же желаетъ его изобразить типичнымъ предводителемъ варварскихъ ордъ, какими тѣ были въ V—VI в. Такъ, Газе²⁾ отмѣчаетъ сходство описанія наружности Святослава съ подобнымъ описаніемъ наружности Атилы Прискомъ.

Е Prisco Excerpta, p. 144³⁾.

Leo Diac. p. 97 B.

Λιτὴ δὲ αὐτῷ καὶ ἡ ἐσθλὴς Ἐσθλὴς τοῦ τῷ λευκῇ, οὐδὲν ἐτύγχανεν οὐσα μὴ δὲ τῶν ἄλλων τῶν ἐτέρων ὑπαλλάτλων πλὴν τοῦ καθαρὰ εἶ- τοῦσα ἢ καθαρὸς τετι.
ναὶ διαφύλαττονσα.

Зная приемы Льва Дьякона при описаніи подробностей, мы можемъ заподозрить, что эта фраза, на примѣрѣ, навѣяна не рассказами современниковъ, но чтеніемъ Приска.

Письменными источниками пользовался Левъ Дьяконъ и въ тѣхъ многочисленныхъ отступленіяхъ, въ которыхъ онъ при слу-

1) Особенное вліяніе Агаѳея испытываютъ рѣчи, вложенныя Львомъ въ уста своихъ героевъ. Такъ, рѣчь Льва Фоки (Leo Diac., p. 12) является подражаніемъ рѣчи Велізарія (Agath., p. 314), какъ отмѣчаетъ Газе. Сраженія, разгорѣвшіяся послѣ этихъ рѣчей, тоже имѣютъ много общаго между собой. Рѣчи Никифора походятъ на рѣчи Нарзеса.

2) Hase, ad Leon. Diac., p. 248 C.

3) Excerpta Historica jussu Imper. Const. Porphyrogeniti, ed. de Boor. Berol. 1903. I. De legationibus.

м. сюзюмовъ: овъ источникахъ Льва Дьякона и скилицы. 145
чаѣ касается болѣе древнихъ событій, напр., о появленіи болгаръ (Leo Dias. VI, 9).

Остается, исходя изъ труда самого Льва Дьякона, рѣшить вопросъ, пользовался ли онъ письменнымъ источникомъ для описанія событій своего времени, т. е. провѣрить нашъ выводъ, къ которому мы пришли въ предыдущей главѣ.

При чтеніи исторіи Льва Дьякона бросается въ глаза, что не вездѣ стиль и построение его изложенія одинаковы. Левъ Дьяконъ какъ бы писалъ свою исторію двумя способами — болѣе подробно и болѣе сокращенно. Въ большей части своего труда* Левъ Дьяконъ очень подробенъ. Характеристики лицъ, психологическія замѣчанія, личныя мнѣнія и, главнымъ образомъ, безсодержательныя, но отнимающія цѣлыя страницы (болѣе $\frac{1}{6}$ всего труда) рѣчи занимаютъ огромную часть исторіи Льва Дьякона. Въ другихъ же мѣстахъ Левъ очень кратокъ и по сжатости приближается къ хронистамъ Кедрину и др.

Къ перваго рода мѣстамъ принадлежатъ такія страницы, относительно которыхъ авторство Льва несомнѣнно: всюду разбросаны слова *ἡμερ μου εἰρηται*, *οἰμαι*, приводятся цитаты изъ Гомера или Св. Писанія, — а равно личныя впечатлѣнія. Здѣсь же особенно замѣчается вліяніе Агаеія.

Ко второму, болѣе сжатому наслоенію исторіи относятся: 1) такія свѣдѣнія, относительно которыхъ съ увѣренностью можно сказать, что они не принадлежатъ самому Льву Дьякону, — т. е. историческія отступленія о болѣе древнихъ событіяхъ, почерпнутыхъ изъ историческихъ трудовъ предшественниковъ Льва; такія мѣста обыкновенно вводятся черезъ *λέγουται* или *φασί*, или же особою фразою; 2) подобною же сжатостью изложенія отличаются также такія мѣста, которыя съ легкими добавленіями мы находимъ и у Скилицы, т. е. относительно которыхъ мы выше вывели, что они могутъ восходить къ письменному источнику.

Такимъ образомъ мы можемъ различить въ исторіи Льва Дьякона два наслоенія. Въ первомъ случаѣ Левъ — самостоятельный писатель, во второмъ же онъ передѣлываетъ уже готовые труды.

Эта наличность двухъ наслоеній даетъ себя чувствовать. Давно отмѣчали странную манеру Льва Дьякона повторяться.

Такъ характеристика Романа II помѣщена имъ сначала во 2-ой главѣ I книги. Затѣмъ при извѣстіи о его смерти (II кн., 10) дается вторая характеристика Романа, вводимая словомъ *φασί*. Во второмъ случаѣ Левъ Дьяконъ имѣетъ много общаго со Скилицей. Такія повторенія у Льва очень часты и происхождение ихъ можно объяснить такъ: въ одномъ случаѣ Левъ передавалъ то, что узналъ изъ рассказовъ очевидцевъ, въ другомъ — Левъ черпалъ свѣдѣнія изъ письменнаго источника. Вполнѣ естественно, что устное преданіе и письменный источникъ не всегда совпадали. Поэтому мы и замѣчаемъ въ текстѣ Льва Дьякона такія противорѣчія, происхождение которыхъ нельзя никакъ иначе объяснить. Приведемъ наиболѣе яркій примѣръ. Во 2-ой главѣ III книги Левъ Дьяконъ описываетъ, какъ свершившійся фактъ, что Іосифъ Врингъ лишилъ чиновъ и изгналъ всѣхъ родственниковъ и пріятелей Никифора. Въ длинной рѣчи, которую Левъ влагаетъ въ уста Никифору, этотъ фактъ еще разъ подтверждается (III, 5). Между тѣмъ въ 7-ой главѣ той же книги читаемъ какъ разъ противоположное: о братѣ Никифора, Львѣ, пишется: *ἔτυχε γὰρ ἐπιχωριάζων τῷ Βυζαντίῳ*. Изъ дальнѣйшихъ словъ Льва Дьякона слѣдуетъ, что и отецъ Никифора былъ въ Константинополѣ, и при томъ пользовался полной свободой (р. 28 В). Это противорѣчіе мы объясняемъ такъ-же, какъ и нѣсколько выше: первое извѣстіе Левъ Дьяконъ получилъ изъ постороннихъ источниковъ, второе же — изъ письменнаго источника, которымъ потомъ воспользовался и Скилица: *ἔτυχε γὰρ ἐπιχωριάζων τῷ Βυζαντίῳ* соотвѣтствуетъ *ἔτυχε γὰρ ἐνδημῶν τῇ βασιλίδι* у Скилицы. Левъ Дьяконъ настолько механически склеилъ два извѣстія, что не позаботился примирить ихъ. Въ концѣ V книги, гдѣ Левъ приводитъ личное мнѣніе о Никифорѣ, онъ говоритъ, что всѣ виновники убійства императора были казнены (L. D., р. 55 D.), между тѣмъ въ VI книгѣ, близкой къ Скилицѣ, напирается именно на то, что былъ наказанъ только Левъ Авалантъ: *Λέοντα τὸν Ἀβαλάντην καθυπεδέεικνεν, οὐκ ἄλλον ἰσχυροζόμενος* (р. 60). Это вліяніе двухъ источниковъ сказывается и въ томъ, что иногда Левъ Дьяконъ объ одной и той же подробности говоритъ два раза, но въ совершенно различномъ видѣ, какъ о двухъ разныхъ фактахъ. Напримѣръ, предостерегающихъ писемъ императоръ Никифоръ, по Льву Дьякону, получилъ два.

Второе изъ нихъ сходится съ описаніемъ его у Скилицы, но первое существуетъ только у Льва Дьякона, хотя и не многимъ отличается отъ второго. Въ данномъ случаѣ Левъ, вѣроятно, просто объ одномъ письмѣ разсказалъ двѣ версіи — и въ результатѣ получилось два письма (V, 5 и V, 7). То-же самое замѣчается и въ VII книгѣ, касающейся возстанія Варды Фоки. По Скилицѣ Варда Склиръ написалъ Вардѣ Фокѣ письмо съ увѣщеваніемъ бросить возстаніе, обѣщая за то прощеніе Цимисхіа. Письмо успѣха не имѣло. У Льва Дьякона это письмо тоже воспроизведено, но въ прямой рѣчи, и тутъ же помѣщенъ отрицательный отвѣтъ Фоки. Въ этомъ Скилица сходится со Львомъ. Но у Льва Дьякона, кромѣ того, помѣщено еще 2 письма: отъ императора Цимисхіа къ Фокѣ и отвѣтъ послѣдняго. Однако, достаточно сравнить между собой письма Склира и Цимисхіа, чтобы притти къ тому выводу, что оба письма въ сущности представляютъ собой одно и то же. По содержанію оба письма тождественны, хотя и посланы отъ разныхъ лицъ: 1) сначала авторъ письма убѣждаетъ Фоку, что тотъ ошибается, затѣвая возстаніе; 2) говорится о непобѣдимости императора; 3) дается совѣтъ бросить возстаніе и 4) Фокѣ дается надежда на помилованіе. Равнымъ образомъ тождественны по содержанію и отвѣты Фоки. Такое совпаденіе содержаній можно объяснить тѣмъ-же: изъ источника, общаго Скилицѣ, Левъ узналъ, что Склиръ написалъ Вардѣ Фокѣ письмо даннаго содержанія. Это письмо, слѣды котораго видимъ у Скилицы, Левъ Дьяконъ и помѣстилъ въ своей исторіи. Но изъ постороннихъ источниковъ Левъ, вѣроятно, слыхалъ, что с а м ъ Ц и м и с х і й вступалъ въ письменные переговоры съ Фокою. Не разбираясь, кто правъ, Левъ Дьяконъ помѣстилъ объ версіи, какъ два самостоятельныхъ факта.

Такимъ образомъ нашъ выводъ о существованіи общаго Скилицѣ и Льву источника не только не встрѣчаетъ затрудненія въ трудѣ Льва Дьякона, но, наоборотъ, находитъ въ немъ вѣскія подтвержденія. Больше всего общаго со Скилицей Левъ Дьяконъ имѣетъ въ VI—IX книгахъ, именно въ описаніи правленія Цимисхіа; наоборотъ, меньше всего при описаніи царствованія Никифора. Мы постараемся объяснить, почему Левъ Дьяконъ именно въ разсказахъ о Никифорѣ наиболѣе самостоятеленъ.

Исторія Льва Дьякона начинается вступленіемъ на престолъ

Романа II. Такимъ образомъ правленіе этого императора должно было цѣликомъ войти въ исторію Льва. Однако правленіе Романа совершенно не интересуетъ Льва Дьякона. Кромѣ короткой характеристики Романа Левъ совершенно не затрагиваетъ внутреннихъ событій его царствованія и все свое вниманіе обращаетъ на военные подвиги братьевъ Никифора и Льва Фокъ. Можетъ быть на это повліялъ источникъ Льва Дьякона, исключительно занятый фамиліей Фокъ; но здѣсь играютъ роль и личные симпатіи Льва Дьякона. Его главный герой — Никифоръ Фока. Правленіе Романа только потому и затронуто Львомъ, что въ это время Никифоръ взялъ Критъ, и являлась возможность остановиться на подвигахъ своего героя.

Вездѣ, гдѣ идетъ рѣчь о Никифорѣ, Левъ Дьяконъ становится очень многорѣчивымъ, вездѣ высказываетъ свое восхищеніе имъ. Многія фактическія данныя Льва Дьякона совпадаютъ съ данными Скилицы, но напрасно было бы искать близкаго сходства между трудами обоихъ историковъ на страницахъ, касающихся подвиговъ Никифора. Хотя фактическая сторона труда Льва Дьякона могла быть основана на источникѣ, общемъ со Скилицею, однако Левъ Дьяконъ широко дополняетъ его дошедшими до него слухами, влагаетъ въ уста героевъ рѣчи, подробности обстановки заимствуетъ у Агаѳіа; Скилица же, пользуясь источникомъ, старается вообще слѣдовать ему возможно ближе.

Тенденціозность Льва Дьякона рѣзко бросается въ глаза. И его источникъ собиралъ факты, защищающіе императора Никифора отъ обвиненій современниковъ. Левъ же со своей стороны влагалъ всю силу своей риторики, приводилъ пышныя агаѳіевскія рѣчи, чтобы представить въ лучшемъ видѣ своего героя. Тенденціозность Льва Дьякона особенно бросается въ глаза, если сопоставить его со Скилицей, хотя бы и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ послѣдній пользуется благожелательнымъ Никифору источникомъ.

Скилица рассказываетъ о переворотѣ 963 года такъ¹⁾. Въ апрѣлѣ 963 года, несмотря на противодѣйствіе главы правительства Теофано, евнуха Вринга, Никифоръ отпраздновалъ въ Константинополѣ свой триумфъ. Послѣ этого триумфа Врингъ начинаетъ подозрѣвать Никифора въ стремленіи

1) Cedren., p. 348.

занять императорскій престолъ. Однако Никифоръ разсѣялъ его подозрѣнія, увѣривъ Вринга въ своемъ желаніи поступить въ монастырь. Врингъ повѣрилъ Никифору и допустилъ его отправиться къ азіатскимъ войскамъ. Но скоро Врингъ раскаялся въ своемъ необдуманномъ великодушіи и рѣшилъ устранить Никифора. Для этого онъ посылаетъ письма Іоанну Цимисхію и Роману Куркуа, приглашая ихъ или убить Никифора, или постричь его въ монахи. Въ награду за исполненіе порученія онъ обѣщалъ имъ domestикать Западу и Востока. Однако Цимисхій и Куркуа не поддались проискамъ Вринга, а предъявили эти письма Никифору и провозгласили его императоромъ.

Левъ Дѣякопъ описываетъ переворотъ 963 года нѣсколько въ иномъ видѣ ¹⁾. Прибывъ въ Константинополь, Никифоръ отпраздновалъ триумфъ. Мысленно онъ уже рѣшилъ произвести государственный переворотъ, потому что возвышеніе Вринга, относившагося враждебно къ нему, ему не нравилось. Однако Никифоръ отложилъ свое намѣреніе. Вдругъ онъ узнаетъ, что Врингъ намѣревается его ослѣпить. Никифоръ обращается къ патріарху Поліевкту и при его содѣйствіи получаетъ начальствованіе надъ войсками, предварительно давъ клятву не замышлять ничего противъ существующаго правительства. Послѣ отъѣзда Никифора въ Азію Іосифъ Врингъ рѣшилъ покончить съ Никифоромъ. Для этого онъ пригласилъ патрикія Маріана и обѣщалъ ему императорскій тронъ за устраненіе Никифора. Сознывая свое безсиліе передъ Никифоромъ, Маріанъ посовѣтовалъ Врингу обратиться съ подобнымъ предложеніемъ къ честолюбивому родственнику Никифора — Іоанну Цимисхію. Врингъ такъ и сдѣлалъ и послалъ Цимисхію письмо, въ которомъ обѣщалъ ему императорскую корону, если тотъ устранить отъ власти Никифора; Цимисхій же показалъ это письмо Никифору и вмѣстѣ съ войскомъ провозгласилъ его императоромъ.

Этотъ разсказъ растянутъ Львомъ Дѣякономъ на 10 страницъ ²⁾, при чемъ почти весь состоитъ изъ рѣчей и писемъ. Именно это обиліе сочиненныхъ Львомъ рѣчей и писемъ указываетъ на то, что данная часть его труда принадлежитъ къ числу

1) Leo Diaс., p. 18 D sqq.

2) Leo Diaс., p. 18 D; 28 A.

наиболѣе самостоятельныхъ. Здѣсь Левъ Дьяконъ, независимо отъ своего источника, даетъ волю своему краснорѣчію и старається убѣдить читателей въ правотѣ Никифора.

Исчерпавъ этотъ вопросъ, Левъ Дьяконъ описываетъ дальнѣйшій ходъ событій уже болѣе сжато, не вводитъ ни рѣчей, ни писемъ. Въ описаніи константинопольскихъ событій замѣчается значительное сходство со Скилицею. Извѣстія о Вардѣ и Львѣ Фокѣ, о предпріятіяхъ Василя-евнуха, о судьбѣ Іосифа Вринга и о вѣздѣ Никифора по содержанію совпадаютъ¹⁾. Недостающія же свѣдѣнія взаимно дополняютъ другъ друга; именно эти свѣдѣнія о константинопольскихъ событіяхъ 963 года и можно считать извлеченными изъ общаго источника.

Кому же однако отдать предпочтеніе въ изложеніи начала переворота 963 года? Особенно противорѣчитъ версіи Скилицы утвержденіе Льва, что Іосифъ Врингъ желалъ избавиться отъ Никифора путемъ предоставленія императорскаго трона Маріану или Цимисхію. Скилица же, наоборотъ, утверждаетъ, что Врингъ обѣщаль за содѣйствіе только санъ доместика. Откуда у Льва Дьякона появилось это извѣстіе, противорѣчащее Скилицѣ, разъ оба они пользовались однимъ источникомъ? Конечно, Левъ Дьяконъ, какъ современникъ, могъ имѣть и совершенно особые свѣдѣнія, но въ данномъ мѣстѣ разсказъ Льва, хотя и въ измѣненномъ видѣ, восходитъ къ тому же общему источнику. Обратимъ вниманіе на одно извѣстіе Скилицы о столичныхъ происшествіяхъ, которое у Льва Дьякона опущено: „ἐβουλεύσατο ὁ Βρίγγας βασιλέα τινα προβαλέσθαι, διὰ τοῦτου ὀνόμενος τὸν τόνον ἐκλῦσαι τῆς δομῆς τοῦ στρατοῦ“²⁾. Оказывается, что извѣстіе о попыткѣ Вринга выставить соперника Никифору имѣется не только у Льва Дьякона, но и у источника Скилицы, но въ другой связи. По Скилицѣ эта попытка Вринга происходила только тогда, когда уже Никифоръ былъ у Константинополя. Вполнѣ возможно, что тогда Врингъ за устраненіе Никифора могъ обѣщать тронъ. Однако Левъ Дьяконъ ничего не пишетъ объ этой запоздалой попыткѣ потому, что онъ ее отнесъ уже къ предыдущему, вѣроятно, на основаніи слуховъ, дошедшихъ до него. Эти слухи о переговорахъ съ Маріаномъ,

1) Leo Diac., 28 A—29 B; ср. Cedren., p. 348—351.

2) Cedren., p. 349.

должно быть, основывались на томъ же фактѣ, о которомъ пишетъ источникъ Скилицы *βασιλέα τινα προβαλέσθαι*. Кого подразумеваетъ Скилица подъ *βασιλέα*? Изъ сравненія со Львомъ Діакономъ дѣлается яснымъ, что здѣсь разумѣется тотъ же Маріанъ, которому тронъ былъ обѣщанъ уже ранѣе — по Льву Дьякону. Изложение Скилицы въ данномъ мѣстѣ очень сокращено. Именъ собственныхъ онъ избѣгаетъ и поэтому называетъ его словомъ *τινά*. Левъ Дьяконъ въ описаніи столичныхъ безпорядковъ иногда подробнѣе Скилицы. На мѣстѣ, приблизительно соотвѣтствующемъ извѣстію Скилицы о попыткѣ Вринга создать контръ-императора, Левъ Дьяконъ пишетъ: „*Τὸν Μαρτιανὸν δὲ καὶ τὸν Πασχάλιον..... ἐταίρισάμενος*“¹⁾. Странно читать это у Льва Дьякона. Вѣдь по его свѣдѣніямъ Маріанъ уже давно былъ сторонникомъ Вринга и даже вдохновителемъ его. Какимъ образомъ Левъ Дьяконъ неожиданно сообщаетъ, что Врингъ „привлекъ на свою сторону Маріана“? Это противорѣчіе можно объяснить только тѣмъ, что Левъ Дьяконъ механически привелъ данное мѣсто изъ своего источника, забывая, что о Маріанѣ было уже сказано въ свое время. Но если извѣстіе о привлеченіи Маріана находилось у источника Скилицы и какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ имѣется извѣстіе о попыткѣ создать контръ-императора, то можно съ увѣренностью вывести, что послѣднее относится именно къ Маріану и другимъ. Выяснивъ это, мы тѣмъ самымъ относимъ первое извѣстіе Льва Дьякона о предварительныхъ переговорахъ Вринга съ Маріаномъ и о совѣтахъ послѣдняго къ числу недостоверныхъ. Врингъ въ дѣйствительности могъ предлагать корону Маріану и Цимисхію, но не тогда, когда возстанія Никифора еще не намѣчалось, а когда тотъ находился уже въ предмѣстьяхъ Константинополя.

Данное мѣсто — описаніе перевота 963 года, является очень характернымъ. Во-первыхъ, оно ясно указываетъ на существованіе въ исторіи Льва Дьякона двухъ наслоеній. Одно, принадлежащее ему самому, отличается преобладаніемъ рѣчей и основывается больше на устныхъ источникахъ; другое, иногда противорѣчащее первому, болѣе или менѣе близко подходитъ къ источнику, общему Льву и Скилицѣ.

1) Leo Diac., p. 28 A.

Во-вторыхъ, дѣлается яснымъ способъ пользованія Львомъ Дьякономъ письменнымъ источникомъ. Иногда Левъ приводитъ версіи источника достаточно близко¹⁾. Однако въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, которыя его наиболѣе интересуютъ, Левъ Дьяконъ слѣдуетъ своему источнику только въ самыхъ общихъ чертахъ, развиваетъ и дополняетъ извѣстія.

Въ третьихъ — описаніе переворота 963 года характерно для рѣшенія вопроса о достовѣрности Льва Дьякона. Какъ уже отмѣчалось выше, Левъ очень пристрастно относится къ императору Никифору, болѣе дружелюбно настроенъ къ нему, чѣмъ его источникъ, такъ какъ свѣдѣнія послѣдняго дополняются имъ различными слухами, которые имѣютъ цѣлью оправдать Никифора, въ родѣ извѣстія о попыткѣ Вринга ослѣпить его. Что же касается рѣчей и писемъ, приводимыхъ Львомъ Дьякономъ, то не можетъ быть никакого сомнѣнія, что они подложны и выдуманы со спеціальною цѣлью оправдать Никифора въ событіяхъ 963 года. Это пристрастное отношеніе къ Никифору распространяется и на описаніе его правленія. Эта односторонность изложенія Льва Дьякона рѣзко бросается въ глаза, особенно если имѣть въ виду изложеніе Скилицы, Зонары и Константина Манассіи. Левъ Дьяконъ старается затушевать темныя мѣста правленія императора Никифора. Такъ, о недовольствѣ народа Левъ упоминаетъ только вскользь²⁾. О непосильномъ налоговомъ бремені, о голодѣ и дороговизнѣ, о которыхъ такъ пространно рассказываетъ Скилица, Левъ Дьяконъ сообщаетъ только очень глухо, ограничиваясь однимъ извѣстіемъ о ропотѣ народа, не говоря, былъ ли этотъ ропотъ основателенъ.

Можно замѣтить также, что Левъ Дьяконъ многое скрываетъ изъ того, что безъ сомнѣнія зналъ. Такъ, ни словомъ онъ не обмолвился въ своемъ трудѣ о данномъ Никифоромъ монашескомъ обѣтѣ, который тотъ своимъ вступленіемъ на престолъ нарушилъ. Объ этомъ обѣтѣ знаетъ Скилица и косвенно намекаетъ на него. Объ этомъ же сообщаетъ житіе св. Аеанасія³⁾. Легко можно повѣрить этому, такъ какъ аскетическія склонности Никифора при-

1) Ср. Leo Diac., p. 28 A—29 B и Cedren., p. 348—351.

2) Leo Diac., p. 39.

3) Аеонскій Патерикъ, I, стр. 66. Сырку, о. с., стр. 15 сл. Cedren., p. 346.

знаютъ всѣ источники. Ничего не говоритъ Левъ о завѣдомой лжи одного протоіерея въ пользу Никифора, когда взволнованный слухами о духовномъ родствѣ императора съ Теофаномъ патріархъ отказался ихъ вѣнчать. Кратко замѣчаетъ Левъ Дьяконъ, что императору удалось убѣдить и упросить патріарха, но, какимъ образомъ, Львомъ умалчивается¹⁾.

Правда, и Левъ Дьяконъ отмѣчаетъ, что Никифоръ Фока не пользовался популярностью среди константинопольскаго населенія. Чтобы объяснить это, Левъ Дьяконъ приводитъ только слухи о корыстолюбіи брата Никифора, Льва Фоки, а также рассказываетъ, какъ несчастная случайность во время одного парада возбудила къ императору всеобщую ненависть²⁾. Между тѣмъ у Скилицы причины непопулярности Никифора выставлены значительно рельефнѣе. По Скилицѣ Никифора ненавидѣли главнымъ образомъ за то, что онъ при вступленіи своемъ на престолъ слишкомъ грубо опирался на военную силу, безнаказанно въ теченіе продолжительнаго времени позволяя своимъ солдатамъ грабить столичное населеніе, при чемъ возводилъ это почти въ систему³⁾.

Несмотря на свои аскетическія наклонности, Никифоръ былъ весьма непопуляренъ среди части духовенства⁴⁾, такъ какъ стѣснялъ свободный выборъ епископовъ и посягалъ на монастырскія имущества. Левъ Дьяконъ, конечно, долженъ былъ это все знать, но, не желая обвинять любимаго императора, онъ обходитъ эти факты молчаніемъ. Не будучи однако въ состояніи совершенно умолчать о стѣсненіи епископовъ, Левъ Дьяконъ упоминаетъ объ этомъ не при описаніи царствованія Никифора, а мимоходомъ въ рассказѣ о вступленіи на престолъ Цимисхія⁵⁾.

Все это показываетъ, съ какой любовью и тенденціозностью относился Левъ Дьяконъ къ Никифору и даже вообще къ дому

1) Cedren., p. 352—353; Leo Diac., p. 30 D.

2) Leo Diac., p. 39 D sq.

3) Cedren., p. 367 sq.

4) Однако среди монашества Никифоръ былъ популяренъ. Послѣ смерти Никифора въ честь его былъ составленъ чинъ богослуженія. Можетъ быть, онъ былъ знакомъ Льву Дьякону, такъ какъ очень многія черты характеристики Никифора совпадаютъ съ похвалами пѣснопѣній, изданныхъ L. Petit, *Office inédit en l'honneur de Nicéphore Phocas* (Byzantinische Zeitschrift, B. XIII, p. 398 sq.; ср. p. 410, 51 и Leo D., V, 2, а также Petit, 411, 53 и Leo D., V, 8 и др.).

5) Leo Diac., p. 60.

Фокъ. Этого онъ совершенно не скрываетъ и откровенно печалится, что братъ Никифора не отомстилъ тотчасъ же убійцамъ императора. Левъ Дьяконъ совершенно увѣренъ, что все войско и все чиновничество стояли на сторонѣ убитаго Никифора¹⁾. Насколько однако это соотвѣтствовало дѣйствительности, неизвѣстно; нужно принять во вниманіе, что самый переворотъ 969 года совершился почти безъ примѣненія военной силы.

При описаніи правленія Никифора II Левъ Дьяконъ обращаетъ наибольшее вниманіе на военныя событія. Однако и тутъ обнаруживаетъ онъ свою пристрастность. Онъ желаетъ во что бы то ни стало оправдать своего героя во возводимыхъ на него обвиненіяхъ. Такъ, Скилица, со словъ современника императора Никифора, описываетъ въ очень непривлекательномъ для послѣдняго видѣ осаду Антиохіи. Существовало въ то время преданіе, предсказывавшее, что тотъ императоръ, во время правленія котораго Антиохія снова перейдетъ въ руки грековъ, немедленно послѣ этой побѣды погибнетъ²⁾. Узнавши это, Никифоръ бросилъ осаждать Антиохію и уѣхалъ въ Константинополь, отдавъ военачальникамъ Михаилу Вурцѣ и Петру-евнуху строгое приказаніе не предпринимать ничего рѣшительнаго противъ осажденнаго города. Но Вурца не исполнилъ этого приказанія и взялъ съ Петромъ городъ приступомъ. Въмѣсто того, чтобы благодарить Бога, какъ выражается Скилица, Михаилъ Вурца и Петръ-евнухъ не только не были награждены, но даже были взяты подъ стражу и сосланы³⁾. Конечно, врядъ ли Никифоръ запретилъ братъ Антиохію изъ боязни исполненія предсказанія легенды; но фактъ наказанія Вурцы говоритъ о честолюбіи Никифора, не желавшаго уступать славы взятія самаго цвѣтущаго города Востока своимъ генераламъ. Само собой разумѣется, что этимъ Никифоръ въ лицѣ Вурцы приобрѣлъ смертельнаго врага, что тоже является фактомъ, такъ какъ мы впослѣдствіи видимъ его въ числѣ убійцъ императора.

Но какъ относится къ этому событію Левъ Дьяконъ? Онъ не

1) Leo Diac., p. 58 В... *δέον αὐτῷ . . . εἰς ἐκδίκησιν κατὰ τῶν τυράννων παρακαλεῖν* и т. д.

2) О подобныхъ предсказаніяхъ знаетъ и Ліутпрандъ. Ad Leon. Diac. ed. Bonn., p. 359.

3) Cedren., p. 367.

отрицаетъ того, что Никифоръ запретилъ предпринимать во время своего отсутствія серьезныя операціи противъ Антиохіи. Но чѣмъ Левъ объясняетъ это приказаніе?

Въ длинной рѣчи, придуманной Львомъ Дьякономъ, императоръ говоритъ, что Антиохію приступомъ брать нельзя, какъ простую крѣпость. „Мнѣ становится какъ то жалко“, говоритъ Никифоръ, „что третій городъ въ мірѣ по красотѣ падетъ, какъ простая крѣпость!“¹⁾ Этотъ аргументъ является довольно страннымъ въ устахъ военнаго того времени, особенно Никифора, который незадолго передъ тѣмъ совѣтовалъ своимъ войскамъ смѣло идти противъ перваго по красотѣ и величію города въ мірѣ — Константинополя. Въ версіи сквозить оффиціальныи характеръ, Левъ же передаетъ ее въ рѣчи Никифора, цѣль которой — оправдать Никифора отъ возводимыхъ на него обвиненій: эти обвинения, равно какъ все происшедшее въ связи со взятіемъ Антиохіи, должно быть, были хорошо извѣстны Льву Дьякону. Но что же стало съ Михаиломъ Вурцей и Петромъ-евнухомъ? Объ этомъ Левъ Дьяконъ совершенно умалчиваетъ²⁾.

Кромѣ очевидной пристрастности и односторонности, описаніе правленія Никифора Фоки у Льва Дьякона страдаетъ въ нѣкоторомъ отношеніи и неосвѣдомленностью. Описаніе походовъ въ общихъ чертахъ правильно, но имѣются нѣкоторыя неточности и путаница, если сравнить соотвѣственные извѣстія Скилицы и арабскихъ авторовъ³⁾. Правда, цифровыя данныя совершенно невѣроятны. Такъ, Левъ пишетъ, что во время одного похода у Никифора было 400.000 чел. войска. Но тутъ же говорится, что правый флангъ состоялъ только изъ 10.000 чел.⁴⁾. Еще абсурднѣе приводимыя имъ цифровыя данныя въ описаніи осады Антиохіи⁵⁾. Никифоръ, по Льву Дьякону, приступилъ къ осадѣ Антиохіи съ тѣми же 400.000 человекъ. Снимая осаду, онъ оставилъ Вурцѣ 1500 чел., съ которыми тотъ и взялъ городъ. Одно сопоставленіе цифръ 400.000 и 1500 говоритъ за полную недостовѣрность вообще цифровыхъ данныхъ Льва Дьякона.

1) Leo Diac., p. 44 D. См. выше.

2) Leo Diac., p. 44 A—45.

3) Такъ, напр., перепутанъ первый сирійскій походъ и взятіе Мопсуестіи, см. Leo Diac., p. 32 sq. и Cedren., 361 sq., Aboulfarage ad a. 1276.

4) Leo Diac., p. 36.

5) Leo Diac., p. 45.

Какимъ образомъ описываетъ Левъ Дьяконъ такія событія, которыя происходили близко отъ него? Для примѣра укажемъ на описаніе имъ волненія константинопольской черни весною 966 года. Левъ Дьяконъ былъ очевидцемъ этихъ происшествій и описываетъ ихъ въ слѣдующихъ чертахъ ¹⁾. Сперва на ипподромѣ Никифоромъ былъ устроенъ „невиданный для жителей столицы“ парадъ войска. Народъ пришелъ въ испугъ отъ одного маневра и бросился бѣжать. Произошла паника, во время которой было перетоптано и раздавлено много зрителей ²⁾.

Вскорѣ произошло другое событіе, ничѣмъ, по Льву Діакону, съ первымъ не связанное. Въ предмѣстьяхъ Константинополя произошла драка грековъ съ армянами ³⁾. И вотъ, когда императоръ возвращался во дворецъ, чернь стала осыпать его ругательствами и нападать на него. Описаніе этого волненія у Льва Дьякона очень темно. Непонятно, почему чернь набросилась на императора. Дрались армяне съ греками, а изступленные женщины кидали камнями въ императора. Императоръ, мужествомъ котораго присутствовавшій тутъ же по близости Левъ Дьяконъ восхищался, „не сердился по своему великодушію и только приписалъ все это волненіе дѣйствию выпитаго вина“. Такое отношеніе императора Никифора нужно признать тоже нѣсколько страннымъ.

Скилица изображаетъ это волненіе нѣсколько въ другомъ видѣ.

Онъ тоже говоритъ о столкновеніи между греками и армянами, но относитъ его не на Вознесеніе, а на Пасху. Скилица раздѣляетъ 2 событія: столкновеніе армянъ съ греками и волненіе противъ императора. Первое у него изложено болѣе обстоятельно. Это столкновеніе приобрѣло характеръ серьезнаго побоища, въ которомъ многіе погибли. Самъ епархъ города *μάγιστρος Σισίνιος* едва не былъ убитъ. Это участіе епарха показы-

1) Leo Diac., p. 39.

2) Schlumberger, Un empereur byzantin au X siècle. Paris 1890, p. 541: Était ce pour donner au peuple le spectacle d'une petite guerre, d'un de ces jeux gothiques si prisés à cette époque? Était ce au contraire, comme l'affirme sérieusement Léon Diacre, pour inspirer à tous une terreur... Шлumberже, очевидно, говорить о Скилицѣ.

3) Cedren., p. 370 sq.

ваетъ, что столкновение приняло форму погрома, и что Никифоръ пытался усмирить участниковъ побоища, принявшись защищать какую либо сторону, вѣроятно своихъ армянскихъ тѣлохранителей ¹⁾. Однако попытки Никифора кончились неудачей. Тогда, какъ рассказываетъ Скилица, въ народѣ распространился слухъ, что императоръ не оставитъ происшедшее безнаказаннымъ. Ходили слухи, что императоръ хочетъ отомстить черни именно въ день состязаній на ипподромѣ. Вѣроятно, эти слухи вызывались стягиваніемъ войскъ въ Константинополь. Скоро наступилъ день состязаній. Можетъ быть, Никифоръ и въ дѣйствительности грандіознымъ парадомъ хотѣлъ показать населенію свою силу и поднять поколебленный авторитетъ. Онъ приказалъ войску исполнить маневръ: нападеніе съ обнаженными мечами въ рукахъ по направленію къ гражданамъ... Тутъ на ипподромѣ поднялся невообразимый переполохъ. Всѣ начали думать, что императоръ мститъ за пасхальное волненіе. Поднялась такая паника, что, по Скилицѣ, никто не спасся бы, если бы не бросилось всѣмъ въ глаза спокойствіе императора; паника улеглась, но жертвою ея оказалось „безчисленное“ множество раздавленныхъ. Наступило Вознесеніе. Императоръ торжественно проѣзжалъ по городу. Навстрѣчу ему собрались родные раздавленныхъ и начали громко называть императора виновникомъ постигнувшаго ихъ бѣдствія. Мало-по-малу дошли даже до того, что стали бросать въ императора камнями. Никифоръ отъ страха чуть не лишился чувствъ и едва спасся.

Возникаетъ вопросъ, кому отдать предпочтеніе — Льву Дьякону, который собственными глазами видѣлъ происшедшее и восхищался спокойствіемъ императора, или Скилицѣ, который пишетъ о полной растерянности Никифора. Разобравшись, приходится отдать предпочтеніе разсказу Скилицы. Врядъ ли Никифоръ былъ такъ мужественъ, если потомъ, по свидѣтельству самого же Льва Дьякона, принужденъ былъ оставить волненіе безнаказаннымъ и приписать его дѣйствию вина.

Итакъ, несмотря на то, что Левъ Дьяконъ былъ очевидцемъ описываемыхъ событій, онъ ихъ совершенно перепуталъ. Разскажъ же источника Скилицы совершенно ясенъ, хотя и показываетъ

1) Schlumberger, l. c.

опредѣленно выраженное враждебное отношеніе къ Никифору. Неясность свѣдѣній Льва Дьякона можно объяснить и тѣмъ, что тотъ источникъ, которымъ онъ пользовался, былъ благопріятно настроенъ къ Никифору и свѣдѣній о волненіи могъ совѣсть и не имѣть. Не желая обходить эти факты молчаніемъ, Левъ Дьяконъ рассказываетъ о нихъ по личнымъ воспоминаніямъ. Необходимо замѣтить, что при описываемыхъ событіяхъ Левъ Дьяконъ присутствовалъ въ качествѣ 15—16-лѣтняго мальчика, чѣмъ можно отчасти и объяснить путанность его изложенія.

Для исторіи правленія Никифора II трудъ Льва Дьякона такимъ образомъ представляетъ собой довольно ненадежный источникъ. Подражаніе Агаѳію, напыщенность, тенденціозность труда, приведеніе въ качествѣ фактовъ разныхъ слуховъ, которые часто противорѣчатъ дальнѣйшему изложенію, — все это невыгодно отражается на исторіи Льва Дьякона, если съ ней сопоставить сжатый, но подробный и ясный рассказъ хроники Скилицы. Но, несмотря на это, Левъ Дьяконъ стоитъ гораздо выше Скилицы и его церковнаго источника въ общемъ пониманіи Никифора. Источникъ Скилицы не поднимается до государственнаго пониманія Никифора, но имѣетъ точку зрѣнія узкую: недоволенъ тяжелыми налогами, дороговизною, выставленіемъ на первый планъ военной силы, недоволенъ лишеніемъ церкви свободы, несоблюденіемъ каноновъ... О государственныхъ интересахъ Скилица какъ бы забываетъ. Наоборотъ, Левъ Дьяконъ становится исключительно на государственную точку зрѣнія. Твердость его правленія онъ не разъ превозноситъ. Обвиненій источника Скилицы для него какъ бы не существуетъ, и онъ ихъ объясняетъ такъ: ... „Я увѣренъ, что Римское государство достигло бы величайшей славы, какой никогда не имѣло, если бы, при успѣхахъ сего мужа (Никифора), судьба его такъ скоро не погубила...¹⁾. Но народъ поставилъ ему въ порокъ его желаніе, чтобы всѣ непремѣнно соблюдали добродѣтель и не нарушали совершенной справедливости: ибо отъ сего онъ былъ неумолимъ въ наказаніи, непреклоненъ и жестокъ къ преступникамъ и ненавистенъ людямъ, желающимъ вести безпечную жизнь“.

1) Leo Diaс., p. 54.

Трудъ Льва Дьякона имѣетъ извѣстное значеніе для исторіи правленія Никифора II. Здѣсь, кромѣ немногихъ мѣстъ, свѣдѣнія Скилицы и Льва расходятся, и Левъ приводитъ массу новыхъ данныхъ. Къ Цимисхію Левъ Дьяконъ относится болѣе ровно; его извѣстія въ большинствѣ случаевъ совпадаютъ съ извѣстіями Скилицы и вносятъ мало новаго. Центральнымъ мѣстомъ правленія Цимисхіа является его борьба со Святославомъ, къ разсмотрѣнію извѣстій о которой мы и обратимся.

Описаніе борьбы Цимисхіа со Святославомъ занимаетъ у Льва Дьякона VI, VIII и IX книги и отличается достаточной полнотой. Очень подробно описана эта война и у Скилицы. Прежнее взаимоотношеніе обоихъ писателей остается и здѣсь тѣмъ же. Начало войны Левъ Дьяконъ описываетъ очень подробно. Имъ приводятся въ длинныхъ рѣчахъ переговоры Святослава и Цимисхіа (VI, 10), обращенія Цимисхіа къ войскамъ (VIII, 2) и подробности приготовленій. Здѣсь Левъ Дьяконъ не имѣетъ ничего общаго съ изложеніемъ Скилицы и, вѣроятно, вполне самостоятеленъ. Но лишь только Левъ Дьяконъ переходитъ къ описанію военныхъ дѣйствій и оставляетъ свое краснорѣчіе, сходство съ изложеніемъ Скилицы становится снова очень замѣтнымъ, и не только по содержанію, но и въ выраженіяхъ.

Cedren., p. 405—406.

Leo Diac., p. 92.

Τοῦτον (Ἰκμορα) ἰδὼν Ἀνε-
μας ὁ τῶν Κρητῶν τοῦ βα-
σιλέως υἱὸς Κουρουπᾶ, εἰς
ὧν τῶν βασιλικῶν σωματο-
φυλάκων, αὐτόν τε εὐψύχως
ἀγωνιζόμενον καὶ τοὺς λοιποὺς
εἰς τοῦτο παρορμῶντα καὶ διεγεί-
ροντα καὶ τὰς τῶν Ῥωμαίων τάξεις
διαταράσσοντα, μήτε πρὸς τὸ μέ-
γεθος καταπλαγείς τοῦ ἀνδρὸς μήτε
τὴν ἀλκὴν δειλιάσας, ἀλλὰ περι-
καρδίῳ θέρμῳ ληφθεὶς καὶ τὸν
ἱππον τῇδε ἀκκεῖσε παρα-
κινήσας, μεθ' ὁρμῆς ἀκατασχέ-
του τὸ παρηωρημένον τῷ

Ἐνταῦθα Ἰκμορα... ἰδὼν
Ἀνεμας, ὁ τῶν βασιλικῶν
σωματοφυλάκων εἰς, καὶ
τοῦ τῶν Κρητῶν υἱὸς ἀρχη-
γοῦ, ἐνθουσιωδῶς ἐφορμῶντα
μετὰ τῆς τῶν ἐφεπομένων πεζε-
ταίρων φάλαγγος καὶ πλείστον
Ῥωμαίων ἀποκτινύοντα, ἀλκῇ τε
φύσεως ἐπαρθείς, τὸ παρηωρη-
μένον ξίφος ἐλκύσας, καὶ
τὸν ἱππον τῇδε ἀκκεῖσε
παρεξέλασας, τοῖς τε μύσφι
κατακίσας, κατὰ τοῦ Ἰκμορος
ἔεται, καὶ τοῦτον κατεληφώς
πλήττει κατὰ τοῦ τένοντος· ἡ δὲ

μηρῶ αὐτοῦ ξίφος σπασάμε- τοῦ Σκύθου κεφαλῇ σὺν τῇ
 νος, ἔεται κατὰ τοῦ Σκύθου, δεξιᾷ ἐκτμηθεῖσα χειρὶ
 καὶ παίει τοῦτον τῷ φασγάνῳ κατὰ πρὸς τοῦδαφος ἀπηράττετο
 τοῦ ἀριστεροῦ ὄμου περὶ τὴν κλεῖδα, ...
 καὶ ἀποτέμνει τὸν αὐχένα, ὡς συμ-
 βῆναι τὴν κεφαλὴν σὺν τῇ
 δεξιᾷ χειρὶ ἐκκοπεῖσαν πε-
 σεῖν εἰς τὸ ἔδαφος...

Вартенбергъ¹⁾ склоненъ объяснять это сходство случайнымъ совпадениемъ военныхъ терминовъ. Однако мы обратили бы вниманіе на то, что данное мѣсто является одной изъ мелкихъ деталей битвы. Случайное совпаденіе словъ, конечно, можетъ имѣть мѣсто при изложеніи вкратцѣ общеизвѣстныхъ событій, у Льва же Дьякона совпадаютъ со Скилицей именно мельчайшія подробности битвы, какъ то: мелкіе поединки²⁾, кто куда былъ раненъ, погода (θύελλα Cedr., 410 и Leo, 153), божественная помощь, сонъ нѣкоей монахини, — всѣ эти подробности поразительно совпадаютъ, такъ что общность источника съ необходимостью вытекаетъ именно для описанія Свято-славовыхъ походовъ. Правда, иногда мѣняется порядокъ свѣдѣній. Но мы знаемъ манеру Льва Дьякона писать: онъ отвлекается, повторяется, и весьма вѣроятно, что многое у Льва Дьякона перепутано изъ того, что вѣрно приведено Скилицей. Для примѣра такой путаницы у Льва укажемъ на слѣдующее: „Императоръ Іоаннъ приказалъ азіатскимъ войскамъ скорѣе переправиться черезъ Геллеспонтъ въ Европу“³⁾. Такое свѣдѣніе Левъ помѣщаетъ сразу послѣ битвы подъ Аркадіополемъ. По Скилицѣ, наоборотъ, азіатскія войска присланы въ Европу до битвы подъ Аркадіополемъ; послѣ сраженія они отправлены были обратно въ Азію для подавленія возстанія Варды Фоки. Дальше читаемъ и у самого Льва Дьякона, что Склиръ былъ посланъ съ войскомъ изъ Европы въ Азію противъ Фоки (L. D., VII, 3). Это противорѣчіе произошло оттого, что Левъ Дьяконъ не на мѣстѣ помѣстилъ извѣстіе о переброскѣ азіатскихъ

1) Wartenberg, o. c., p. 315.

2) Ср. подробности битвы подъ Аркадіополемъ Cedr., 387, 388 и Leo Diac., p. 67.

3) Leo Diac. VI, 13.

войскъ. Пропуская нѣкоторыя подробности, Левъ о нихъ потомъ вспоминаетъ. Такъ, напр., описывая послѣднюю битву Святослава подъ Дорнистоломъ, Левъ Дьяконъ выпускаетъ извѣстіе о томъ, что Варда Склиръ съ конницей произвелъ обходное движеніе. Только потомъ, при самомъ окончаніи битвы, Левъ вспоминаетъ объ этомъ и въ скобкахъ говоритъ: (*ἐκεῖνος γὰρ μετὰ τοῦ συνεπομένου πλήθους τὴν κήλωσιν ἐποίησато*)¹⁾. Подобныя же ошибки и перестановки возможны у Льва Дьякона и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ онъ противорѣчитъ Скилицѣ. Поэтому, что касается послѣдовательности подробностей борьбы со Святославомъ, данныя Скилицы внушаютъ большаго къ себѣ довѣрія. Замѣтно противорѣчитъ Левъ Дьяконъ Скилицѣ въ приведеніи цифровыхъ данныхъ. Цифры Льва Дьякона болѣе умѣрены, цифры же Скилицы распадаются на двѣ категоріи. Часть изъ нихъ совпадаетъ съ цифрами Льва Дьякона и отличается умѣренностью (напр. 8500 чел., запершихся въ Преславѣ; Cedr., p. 394). Но рядомъ съ такими данными встрѣчаются совершенно абсурдныя цифровыя соотношенія, какъ, напр., извѣстіе, что въ битвѣ подъ Аркадіополемъ со стороны русскихъ пало 300.000 чел., грековъ же 25 чел. (Cedren., p. 388). Самая фантастичность послѣднихъ цифръ, а также видимое несоотвѣтствіе съ другими цифровыми данными говорятъ за то, что Скилица ихъ почерпнулъ изъ болѣе поздняго преданія.

Если же признать, что свѣдѣнія Скилицы и Льва Дьякона въ большей своей части восходятъ къ одному источнику, то мы тѣмъ самымъ придемъ къ тому выводу, что всѣ греческіе источники передаютъ намъ только одну версію о борьбѣ Византіи со Святославомъ, такъ какъ Зонара и Кедринъ восходятъ къ Скилицѣ.

Кромѣ греческихъ источниковъ, свѣдѣнія о борьбѣ со Святославомъ даетъ арабскій христіанскій лѣтописецъ Яхъя²⁾, но въ общихъ чертахъ; въ разсказѣ о византійскихъ дѣлахъ онъ слѣдуетъ греческому источнику и его версія совершенно совпадаетъ съ версіей Льва Дьякона и Скилицы.

Что касается русской лѣтописи, то и ея сообщенія восхо-

1) Leo Diac., p. 96 A.

2) Бар. Розень, о. с., стр. 180, 181.

дять къ той же византійской версії. Акад. А. А. Шахматовъ¹⁾, приводя слѣды болгарскаго хронографа въ лѣтописи, приходитъ къ тому выводу, что свѣдѣнія о святославовыхъ походахъ почерпнуты лѣтописью изъ недошедшаго до насъ болгарскаго хронографа. Этотъ болгарскій хронографъ въ свою очередь могъ пользоваться греческими трудами. И дѣйствительно, въ русской лѣтописи есть много мѣстъ, близко совпадающихъ съ сообщеніями греческой версії. Акад. А. А. Шахматовъ сличаетъ рѣчь Святослава, помѣщенную въ русской лѣтописи, съ тою же рѣчью по Льву Дьякону и Скилицѣ. Приводимая Львомъ Дьякономъ рѣчь отличается отъ рѣчи Скилицы только по стилю, такъ какъ Левъ приблизилъ слова Святослава къ одной рѣчи изъ Агаѳіа²⁾. Лѣтописецъ же имѣетъ больше сходства съ простой передачей Скилицы. Замѣчаніе Скилицы, что русскіе удивлялись богатству Болгаріи³⁾, походитъ на лѣтописныя слова Святослава о богатствѣ Переяславца („не любо мы есть Кыевъ быти . . .“). Извѣстія о первыхъ двухъ походахъ Святослава на Болгарію общи и лѣтописи и Скилицѣ и Яхѣ. Сходство замѣчается и со Львомъ Дьякономъ.

Левъ Дьяконъ VI, 10.

(пер. Попова).

. . . Святославъ сказалъ ему (Цимисхію) въ отвѣтъ: . . . Да не трудится (императоръ) путешествовать въ нашу землю: мы сами скоро поставимъ шатры свои предъ Византійскими воротами . . .

Лѣт.

И посъла къ грекомъ, глаголя: „хощу на вы ити, и възяти градъ вашъ, яко и сии (т. е. Переяславецъ).“

Принимая во вниманіе одновременное сходство лѣтописи и со Львомъ Дьякономъ, и со Скилицею, можно съ достаточной вѣроятностью предположить, что греческій источникъ, оказавшій черезъ посредство болгарской хроники вліяніе на русскую лѣтопись, и былъ источникомъ, общимъ Льву Дьякону и Скилицѣ.

1) А. А. Шахматовъ, Розысканія о древнѣйшихъ лѣтописныхъ сводахъ, стр. 118.

2) Agath., p. 155, Leo Diac., p. 151.

3) Cedren., p. 383: ἀλλὰ τὴν τοῦ τόπων θανάσσαντες εὐφρίαν.

Только извѣстіе лѣтописи о какой-то неизвѣстной побѣдѣ, одержанной самимъ Святославомъ надъ греками, противорѣчитъ византійской версіи. Если не считать этого, то нужно сказать, что о походахъ Святослава мы имѣемъ всего только одну версію, при томъ версію источника оффиціального происхожденія, на каковой походить данный источникъ, общій Льву и Скилицѣ.

Теперь можно задаться вопросомъ, насколько византійская версія п о л н о передала описаніе борьбы со Святославомъ? Левъ Дьяконъ въ своей исторіи однажды развиваетъ своеобразный взглядъ. По его мнѣнію, излишняя подробность въ изложеніи является порокомъ любопытства. Поэтому онъ и не останавливается на мелочахъ. При такомъ составленіи исторіи вполнѣ возможно, что выпускаются иногда весьма важные факты, которые только на первый взглядъ кажутся мелочами. Намъ кажется, что именно подобное и произошло въ византійской версіи о войнѣ со Святославомъ, что общій византійскимъ хронистамъ источникъ пропустилъ важную подробность этой войны. Въ самомъ началѣ описанія войны Левъ Дьяконъ пишетъ, что Цимисхій послалъ къ границамъ Болгаріи двухъ полководцевъ — Варду Склира и Петра-евнуха. Тутъ же Левъ прибавляетъ отъ себя, въ видѣ замѣчанія кстати, что этотъ Петръ-евнухъ очень отличился личной храбростью во время одного сраженія со скиѣтами, когда тѣ напали на Θρακίю. Представляется вопросъ, въ какомъ сраженіи отличился Петръ-евнухъ? О Петрѣ больше ни слова не говорится. Сраженіе должно было происходить во Θρακίи, такъ какъ Левъ пишетъ *λέγεται γάρ ποτε Σκνθῶν τὴν Θράκην καταδραμόντων* (L. D., p. 65). Едва ли можно отнести этотъ эпизодъ къ битвѣ подъ Аркадіополемъ. Въ этой битвѣ со стороны византійцевъ принималъ участіе только незначительный отрядъ Варды Склира. Между тѣмъ, по смыслу VI, 11 Цимисхій послалъ Варду Склира и Петра на одинаковомъ положеніи. Петръ-евнухъ тоже представлялъ собой значительную фигуру въ византійской арміи; онъ раздѣлилъ съ Вурцею честь взятія Антиохіи; вмѣстѣ съ послѣднимъ подвергся репрессіямъ со стороны Никифора, былъ однимъ изъ сторонниковъ Цимисхія въ заговорѣ противъ императора. Поэтому врядъ ли Петръ занималъ какую либо второстепенную должность, и само собою разумѣется, что ему долженъ былъ быть предоставленъ значительный отрядъ. При

обычаѣ раздѣлять войска на европейскія и азіатскія весьма легко могло быть, что азіатскими начальствовалъ Варда Склиръ, а мѣстными ѳракійскими — Петръ.

Въ такомъ случаѣ нужно предположить, что съ силами Петра-евнуха произошло особое сраженіе. Можно притти къ тому же выводу и съ другой стороны.

Извѣстно, что въ битвѣ подъ Аркадіополемъ Святославъ личнаго участія не принималъ. Гдѣ былъ во время этой битвы самъ Святославъ съ главными силами своей арміи? Неужели онъ послѣ гордаго обѣщанія изгнать грековъ изъ Европы, послѣ угрозы раскинуть шатры подъ стѣнами Константинополя, неужели Святославъ, всегда самъ водившій свои войска, въ это время оставался въ Болгаріи? Врядъ ли послѣднее можно допустить, и если это не такъ, то приходится притти снова къ нашему выводу, что кромѣ Аркадіопольскаго сраженія было другое столкновение во ѳракіи, гдѣ сражался самъ Святославъ противъ мѣстныхъ войскъ Петра-евнуха. Левъ говоритъ, что Петръ послѣ одного поединка обратилъ скиѳовъ въ бѣгство. Это могло относиться къ одному эпизоду изъ битвы. Дальнѣйшее показываетъ вовсе не то, что Петръ остался побѣдителемъ, а говоритъ, скорѣе, за обратное. Военная карьера Петра кончилась. Даже послѣ ухода Склира въ Азію, начальство было поручено не ему, а бездѣятельному и ничѣмъ себя не проявившему Іоанну. Почему начальство не было передано Петру? Объяснить это можно такъ: Варда Склиръ разбилъ союзниковъ Святослава подъ Аркадіополемъ. Эта побѣда и была превознесена современниками и попала въ хроники. Главныя же силы Святослава разбили Петра-евнуха и проникли въ Македонію и ѳракію. Объ этой битвѣ много не разглашалось, и, такъ какъ большихъ послѣдствій она не имѣла, то, какъ мелкая подробность, не попала въ хроники. Только Левъ Дьяконъ мимоходомъ коснулся роли Петра-евнуха. Къ такому выводу мы приходимъ, исходя исключительно изъ труда Льва Дьякона. Если же принять во вниманіе, что существуетъ и разсказъ русской лѣтописи, который знаетъ именно сраженіе самого Святослава, то нашъ взглядъ пріобрѣтаетъ тѣмъ большую вѣрность. Этимъ мы думаемъ устранить непримиримое противорѣчіе русской лѣтописи и греческихъ хронистовъ.

Левъ Дьяконъ, или его источникъ, обладалъ очень хорошими свѣдѣніями о Руси. Онъ знаетъ о походѣ Игоря, и при томъ больше, чѣмъ объ этомъ сообщается въ хроникѣ Логовета. Объ ужасной смерти Игоря знаетъ только Левъ Дьяконъ. Можно думать, что Лѣву Дьякону было извѣстно также и о походѣ Олега и слѣдовавшемъ за нимъ договорѣ, о чемъ такъ упорно молчатъ всѣ византійскіе источники. Такъ, по Лѣву Дьякону, Цимисхій посылаетъ Святославу во время переговоровъ слѣдующую угрозу: „Я думаю, что ты, Святославъ, еще не забылъ пораженья отца своего Игоря, который, презрѣвши клятву, съ великимъ ополченіемъ... подступилъ къ царствующему граду Византіи...“¹⁾. Какія клятвы нарушилъ Игорь? Едва ли мы ошибемся, если признаемъ въ словахъ *τὰς ἐνόρκους σπονδὰς παρὰ φαῦλον θέμενος* намекъ на договоръ Олега. Олегъ правилъ отъ имени Игоря, почему Игорь походомъ нарушилъ какъ бы свою клятву²⁾.

Левъ Дьяконъ въ своемъ изложеніи мимоходомъ вставляетъ много замѣчаній о странѣ военныхъ дѣйствій, о наружности, объ обрядахъ воиновъ Святослава, равно какъ о вооруженіи ихъ и способѣ воевать. Однако данныя мѣста принадлежатъ къ числу самыхъ недостовѣрныхъ. Чрезмѣрное подражаніе Агаею обезцѣниваетъ многія подробности. Многія другія данныя тоже отзываются книжнымъ характеромъ. Такъ, рассказывая о прибытіи византійскаго флота къ Дунаю для борьбы съ русскими, Левъ вставляетъ замѣчаніе объ этой рѣкѣ, почерпнутое изъ со-

1) Левъ Дьяконъ, пер. Попова, стр. 65 (Leo D., p. 64 sq.).

2) Слова *ἐνόρκους σπονδὰς* остались незамѣченными въ литературѣ о договорахъ. Такъ А. Димитріу въ ст. „Къ вопросу о договорахъ русскихъ съ греками“ (Виз. Врем., т. II, 545) удивляется, почему не говорится „ни слова о какихъ-нибудь обязательствахъ, нарушенныхъ Игоремъ, ни... какихъ-нибудь словъ, намекающихъ на договорныя отношенія Руси къ Византіи“. А. Димитріу ошибается. Русскій лѣтописецъ, кажется, могъ спокойно относиться къ нарушенію Игоремъ договора, но византійцы это помнили и напоминали при случаѣ. Слѣдовательно, заключеніе Димитріу о томъ, что договоръ 911 года не состоялся, и что до клятвъ князя не доходило, — преждевременно, разъ имѣются у византійцевъ указанія на подобный договоръ. Почему, однако, всѣ безъ исключенія византійскіе историки молчатъ о побѣдѣ Олега? Въроятнѣ всего, что собственно никакой побѣды Олега и не было. Олегъ подошелъ къ Царьграду, но до боевыхъ столкновеній не дошло: греки откупились и заключенъ былъ договоръ. О такомъ незначительномъ происшествіи историки могли и умолчать.

временной ему схоластической литературы¹⁾. Описаніе Болгаріи, какъ страны болотистой и топкой (Leo, IV, 5), тоже отзывается подобной литературой. Что же касается его описаній жертвоприношеній и обрядовъ русскихъ, то они совершенно лишены какой бы то ни было достовѣрности. Онъ говоритъ (Leo D., 149, 150) о погруженіи въ Истръ младенцевъ и пѣтуховъ, о какихъ то Еллинскихъ таинствахъ, которымъ русскіе научились отъ Анахарсиса и товарищей Ахилла. Всѣ эти извѣстія Левъ почерпнулъ изъ схоластической литературы, въ которой, вѣроятно, писалось и о русскомъ происхожденіи Ахиллеса, о примѣненіи къ русскимъ словъ Іезекіиля „Се азъ навожу на тя Гога и Магога, князя Росъ (‘Ρώς)“²⁾.

Приведемъ вкратцѣ выводы настоящей статьи. Относительно Скилицы мы отмѣтили, что при описаніи періода 945—976 г. онъ пользовался двумя источниками, изъ которыхъ первый носитъ церковный характеръ, второй же является источникомъ, изъ котораго черпалъ свѣдѣнія и Левъ Дьяконъ. Относительно же Льва Дьякона мы пришли къ тому выводу, что его историческое произведеніе въ большей своей части представляетъ собой прикрашенную риторикой передѣлку источника, которымъ болѣе близко воспользовался Скилица. Трудъ Льва Дьякона является подражаніемъ исторіи Агаеія, изобилуетъ подробностями книжнаго происхожденія, что невыгодно отражается на трудѣ этого единственно уцѣлѣвшаго отъ второй половины X вѣка историка.

М. Сюзюмовъ.

1) Leo Diacon., p. 80. Ср. Migne, Patrologiae graecae t. CVI, 1056 *Περὶ τεσσάρων τοῦ παραδείσου ποταμῶν* Вся эта статья передается Львомъ въ видѣ вставки. О другихъ подобныхъ вставкахъ см. примѣчания Газа.

2) Такое толкованіе словъ Іезекіиля, приложенное къ русскимъ, не является оригинальнымъ выводомъ Льва Дьякона. Въ толкованіяхъ на Апокалипсисъ (напр. Андрея Кесарійскаго, Ареѣы и др.) мы находимъ: *Εἶναι δὲ τὸν Γῶγ καὶ Μαυὼν τινὲς μὲν Σκυθικὰ ἔθνη ἢ νομίζουσιν ὑπερβόρεια* (Migne CVI, p. 416 B).